

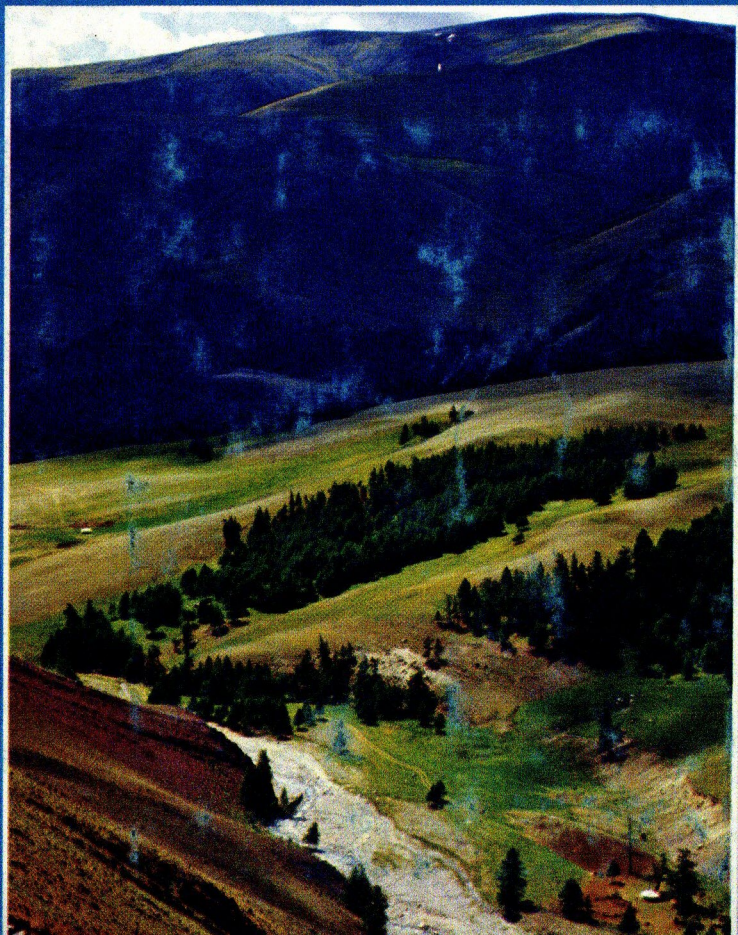
С (ТВИО)
У 48

№ 3

2010

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ

Журнал
тувинских
писателей

Журнал основан 26 августа 1946 года

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Черлиг-оол Куулар

№ 3 (59) 134

2010 г., май-июнь

Редакция журнала "Улуг-Хем"
Кызыл — 2010

С (Тув)
У-47

Главный редактор Черлиг-оол Куулар
Художник М. Чооду.

Учредители журнала: Министерство культуры и туризма РТ, коллектив государственного автономного учреждения РТ “Редакция журнала “Улуг-Хем”.

Журнал зарегистрирован в Тувинской Республиканской инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Рег. № Т – 00028.

М 4702580600 без объявл.
24-13-2004

© ГАУ РТ “Редакция журнала “Улуг-Хем” , 2010 г.
© ОАО «Тываполиграф», 2010 г.

Проза

Сергей ОЛЗЕЙ-ООЛ

Моему отцу, Николаю Оскеевичу Олзей-оолу, Заслуженному артисту России посвящаю.

Все события и имена вымышлены, совпадения случайны, написано по мотивам рассказов отца.

БУРНЫЕ ВОДЫ ХЕМЧИКА

(отрывок из неоконченной повести)

Глава первая

НЕЗНАКОМЕЦ

Утренний туман еще струился вдоль небольшой речушки Хемчика, оседая на кустах и деревьях. Казалось, что это дым от очага, видневшейся вдалеке юрты, повис над водой и вот-вот улетит от легкого ветерка. Вершины гор, уже залитые солнечным светом, величаво отражались на поверхности воды. Далеко, на горизонте, виднелся белый серебряный купол горы Монгулек, где круглый год лежали снега. Из-за излучины речушки приближалась небольшая отара овец. Большая черная собака внезапно выскочила из кустов, резко остановилась, шерсть на ее загривке вздыбилась, раздалось тихое рычание. У самой воды, на ее прибрежной гальке, лежал человек. На теле его виднелись раны и ссадины, на голове белела повязка с пятнами крови. Беспокойство собаки отразилось на лице девушки,

идущей впереди отары с палкой через плечо, в легком халате из грубой ткани, на ногах ее были мягкие сапожки из кожи. Толстые черные косы на плечах, с вплетенными украшен-иями, скуластое лицо с красивыми карими глазами и легкий румянец на щеках говорили о безмятежной юности. Без тени страха приблизившись к лежащему человеку, она присела и дотронулась концом палки до его плеча. Раздался тихий стон. С трудом перевернув его на спину, взглянула на него. Человек был большой и очень худой, крупные черты желтоватого лица и рост выдавали в нем не местного жителя. Растерянно оглядевшись, девушка посмотрела в сторону дымка над юртой и громко крикнула:

— Ачай! Э-эй, ачай!

Вскоре послышался топот приближавшейся лошади. В седле сидел немолодой мужчина с сединой в бороде. У излучины седла был аркан, в руке небольшая плетка.

— Что случилось, Айдыс? — и, увидев лежащего человека, спросил: — Кто это?

— Не знаю. Он, наверное, давно здесь лежит, может быть, шел в нашу сторону. Посмотри, он дышит, — она с жалостью посмотрела на лежащее тело и с тревогой на отца. — Давай, поднимем его на лошадь. Его надо отвезти к нам в юрту.

Мужчина слез с коня, после некоторых усилий вместе с дочерью положил человека поперек седла и направился в сторону жилища. На шум из юрты вышла пожилая женщина с ведром в руках. Увидев приближающуюся процессию, поставила сосуд на землю и поднесла руки к лицу. В глазах ее были тревога и смятение.

— А-ваай! Живой или мертвый? Несчастье на нашу голову! Недаром я сегодня плохой сон видела: злой дух Мангыс терзал нашу корову.

— Не причитай, а лучше помоги и согрей воды, — прикрикнув на жену, мужчина, кряхтя от напряжения, взвалил неподвижное тело на спину и внес в юрту.

В юрте он положил его на кошму и подложил под голову старую подушку. Здесь не пахло богатством, но каждая вещь имела свое место, было чисто и опрятно, пахло едой и конской сбруей. Вдоль стен стояли небольшие

сундуки с национальным орнаментом. Посредине — небольшой очаг. Около очага сидел юноша и пил чай из пиалы.

— Мерген, сегодня ты будешь пасти овец, Айдыс останется тут и поможет матери. И, не дай бог, потеряешь хоть одну, хозяин нам не простит. Только не гоняй отару в ущелье. Я вчера ночью слышал шум. Кажется, там стреляли. Ээ-хе-хе, в беспокойное время живем. Вот и соседи к нам почему-то давно не навевались. Не случилось ли чего?

Женщина уже сняла с очага небольшой котел с горячей водой и вытащила из стоящего у стены котлы сундука чистую ткань. Вместе с дочерью они осторожно сняли повязку с головы незнакомца и начали обмывать раны на теле. Мужчина, закурив трубку, молча наблюдал со стороны.

— Раны на теле от плети. На ногах и руках — от кандалов. На шее — от колодки, знакомая картина, — вслух рассуждал он, попыхивая трубкой, и дым тонкой струйкой вился под потолок.

— Да-аа, на голове, наверное, от пули. Мать, ну чего там у него?

Женщина посыпала раны каким-то порошком из кожаного мешочка, аккуратно, со знанием дела, наложила повязку на голову, повернулась в сторону мужа и тихо сказала:

— Ничего, кости целы. Раны заживут, он большой, здоровый. На голове тоже ничего особенного, только долго будет заживать. Наверное, много крови потерял, потому и слабый. Где вы его нашли? Он не местный.

Мужчина промолчал и снова запыхтел трубкой. Женщина налила в пиалу чай и влила в рот незнакомца. Тот поперхнулся и открыл глаза, вопросительно уставившись на чужих людей.

— Где я? Вы кто? — в глазах не было страха, лишь боль отчаявшегося и загнанного зверя. Желтоватые белки и карий зрачок беспокойно вращались.

— Молчи, молчи, не надо разговаривать. Когда будет лучше, тогда и поговорим, а пока полежи.

Сказав это, хозяин юрт встал, выбил пепел из трубки в тлеющие угли и вышел из юрты. Незнакомец снова впал

в забытье. Губы его что-то шептали, по лбу струился мелкий пот, бледные щеки вздрагивали, на виске пульси-ровала тонкая жилка, словно напоминая, что он еще жив и готов вскочить и бороться за свою жизнь. Солнце уже было в зените. Яркий солнечный день плескался над стоянкой, у коновязи всхрапывали три лошади, одна без седла, а на зеленом склоне ближайшей горы белым облаком мирно паслись козы и овцы, между ними темной точкой мелькала голова Мергена и слышался лай черной собаки, наводившей порядок в массе животных. Ничто не пред-вещало каких-то событий в размеренной жизни маленького стойбища, но напряжение ощущалось, и причиной тому был незна-комец, лежащий на полу юрты, неизвестный, чужой и другой, не такой, как обитатели этого тихого уголка. Мужчина, о чем-то задумавшись, постоял у дверей юрты, потом вдруг стремительно пошел в сторону коновязи, вскочил на коня и неторопливой трусцой направился вниз по реке. Девушка и мать остались с раненым, изредка вытирая пот с его лба и тревожно переглядываясь. Мать иногда что-то шептала про себя, в глазах девушки застыл немой вопрос и сострадание. Она чувствовала, что спокойная жизнь в юрте завершилась, в ней самой как будто что-то изменилось, какие-то новые чувства пробуж-дались в ней, и она не понимала, надо ли ей радоваться или печалиться из-за этого.

Солнце уже клонилось к закату, когда к юрте подъехали всадники, одним из них был ее хозяин. Привязав лошадей к коновязи, они вошли внутрь, продолжая прерванный разговор. И смолкли, увидев незнакомца с повязкой на голове.

— Это тот человек? — спросил крепкий молодой муж-чина, сжав в смуглой руке рукоятку плетки.

Похоже, что-то его насторожило, крепкой грудью он втянул воздух юрты, словно принюхиваясь к лежащему на кошке телу. Скорее всего, запах крови беспокоил его, но вскоре в его взгляде напряжение исчезло, и он обратился к женщине.

— Что с ним, тетушка Салбакай?

— Ничего особенного, Темир-оол. Потерял много крови. Очень слаб.

Мужчины сели вокруг очага, Салбакай подала чай и послала дочь за хворостом. Третий, прежде хранивший молчание, прихлебывая чай из пиалы, спросил:

— Ну, что будем делать?

— Судя по одежде, это был непростой человек.

Когда-то красивая, из дорогой ткани одежда его теперь почти не отличалась от одежды сидящих рядом людей, в некоторых местах была зашита грубыми нитками, но его летний халат-тон еще носил следы былой роскоши, кисет был из тисненой кожи, а ножны и ручка ножа на поясе отделаны серебром. Сапоги с загнутыми вверх носками, маймаки, как здесь называли, тоже были из тисненой кожи. Борода его была седа, но в руках еще ощущалась недюжинная сила, а во взгляде узких пронзительных глаз таились сила духа и незаурядный ум.

— Не знаю, иначе я бы вас не позвал, — сказал хозяин юрты и с надеждой взглянул на лица собеседников. В это время вернулась Айдыс с охапкой хвороста и разожгла огонь. Вскоре по юрте поплыл ароматный дух вареной баранины.

— Соседи ничего не знают? — спросил седобородый, разрезал тонким кинжалом мясо на деревянном блюде.

— Догадываются, наверное. Да тут все нашего рода люди живут, Салчаки в основном. Бывают правда, и бродяги, но это нищие в поисках куска хлеба. Бывало и прежде, что мимо нашего аала проходили люди, кто-то прятался и потом незаметно исчезал, ты помнишь, после чего это случалось, но такого человека у нас еще не было, — он повернулся в сторону лежащего на кошме незнакомца и озабоченно вздохнул. — На других стоянках вроде бы тихо. Не понимаю, может, они ничего не слышали. Да вы сами знаете, какой народ стал скрытный, некоторые просто боятся. Или хозяина, или его людей. После тех самых событий, о которых кое-кто хотя и начал забывать, все-таки опасаются. Столько людей понапрасну загубили эти проклятые маньчжуры.

— Да-а, я помню то время, двадцать пять зим прошло. И мои кони топтали пыль Кара-Дага. Сколько людей погибло, но поветанцы хотели лучшей жизни для нашего народа. Вот теперь и мне приходится скрываться, кто знает, остались ли такие же скитальцы, как я. Не всех ведь нашли и убили. Я потерял все, семью, двоих сыновей, жену, а дочь увезли в Улясутай на потеху негодьям. — По щеке потекла скупая слеза и быстро скрылась в белоснежной бороде, словно пугаясь минутной слабости ее обладателя.

— Кстати, как твой хозяин, Кудурук-бай, не сильно обижает? — спросил он.

— В последнее время он стал какой-то другой, из своей белой юрты выходит редко, араку пьет часто. Люди говорят, что он ездил куда-то, долго его не было, а потом приехал, и теперь у него охрана с оружием.

— Я слышал, что был большой совет, — вновь заговорил седобородый. — В Китае беспокойно, не зря ведь многие купцы быстро уехали после того, как мы прогнали их хозяев. Говорят еще, что есть какая-то бумага от Великого Цаган-Хана, белого царя русских, вот из-за этой бумаги они и перессорились, не поделили чего-то, там были нойоны от многих хошунов. Думаю, что скоро будут большие перемены. Власти маньчжурского богдыхана уже конец. Кто будет охранять нас и владеть землей урянхов, Тану? Вот зачем они собирались.

— Кому теперь платить будем? Про налоги хозяин сказал, что теперь с каждого дома собирать будет, а где я столько белок найду, не говоря про соболей. Было бы у меня ружье, сына охотником бы сделал, ведь недаром его Мергеном назвали. Отобрали ружье. С кем торговать будем? Китайцы ушли, русских купцов не пускают, хотя, я слышал, в других хошунах им разрешают торговать. Русские купцы больше дают и торгуются честно, товар у них хороший.

Тут голову поднял молодой крепкий мужчина, вошедший в юрту первым. Легкий, выдавший виды, но опрятный халат распахнулся на широкой груди, его мягкие кожаные сапоги с острыми загнутыми вверх носками остались у входа, показывая, что их обладатель здесь свой человек.

— Не горюй, дядюшка. Китайцам уже платить не будем, а с местными мы разберемся. Грабить себя не дадим. Да у тебя своих-то овец штук двадцать наберется ли? Корова да лошадь, это, что ли, твое богатство? Сейчас все будет по-другому. Другие налоги, другие боги, одежду будешь носить другую, может быть, русскую, — он весело расхохотался.

— Ты, Темир-оол, вечно балагуришь. Это кровь в тебе играет, не нагулялся еще, вот и жены у тебя до сих пор нет.

— Я свободен как птица, а жену заводить в такое время — только лишние хлопоты. Да у меня и крыши нет над головой.

— Это что? Я теперь русскому богу должна молиться? — вдруг вмешалась тетушка Салбакай — Да и одежда моя мне нравится.

— Салбакай, не обращай внимания на нашего Темир-оола, — со смехом отозвался седобородый. — Богов наших, я думаю, никто не тронет, да и вообще, я считаю, бог один, только лица у него разные. А я слышал, ты в духов веришь, травки собираешь и колдовское зелье варишь, а? — глаза его добродушно поблескивали. Чувствовалось, что ему нравится сидеть в спокойной обстановке этой небогатой юрты и разговаривать с этими добродушными людьми.

— Да какое там зелье, я травками лечу и скотину, и людей! — возмущенно возразила женщина и обиженно отвернулась.

— Вот-вот. В прошлом году она меня и коня лечила одним и тем же. Сознаться, тетушка, хотела Темир-оола в лошадь превратить, — он с любовью посмотрел на Салбакай и лукаво улыбнулся. — Да ладно, нога у меня зажила, как на лошади, — и он снова засмеялся, обнажив белые крепкие зубы.

За стенами юрты послышались лай собак и бляенье овец. Слышались крики Мергена, загонявшего животных в загон, вскоре он вошел и сел около отца. Мужчины, выпив по пиале чая, молча раскурили трубки. Казалось, каждый думал о чем-то своем, но мысли были одинаковыми, как оказалось из дальнейшего разговора.

— Я думаю, он бежал через перевал, с той стороны. Там сейчас тоже идет борьба с маньчжурами, кто кого, еще неясно. Попал парень в переplet, но ноги унес. Ты сказал, ночью стреляли? — обратился седобородый к хозяину юрты.

— Да. Я выходил проверить загон, собаки лаяли, думал, волки. Стреляли там, — он махнул в сторону ущелья.

— Хорошо, что он успел и спустился к Хемчику, ему повезло, туда они бы не сунулись. Отсюда их выгнали надолго, может быть, навсегда. Но мы должны ему помочь, а там видно будет, — немного помолчав, он обратился к хозяину юрты:

— Соян, теперь тебе, наверное, надо перекочевать подальше. За Шындазын и Шивилиг, ближе к тайге, там в лесу легче спрятать человека, там аржааны, раненый быстро поправится. Ну, а мы будем навещать. Должен же он нам хоть что-то рассказать о себе, но я, кажется, уже все про него знаю. Раны на теле, следы от колодки. Я все это видел раньше. Вот завтра и собирайся. А хозяину скажешь, что испугался, наверняка, выстрелы он тоже слышал. А мы с Темир-оолом сейчас поедem, у нас еще дела, — он резко встал, а за ним и молодой мужчина. Выйдя из юрты, они сели на коней, поправляя сбрую. У каждого седла висело ружье и длинные, не похожие на кривые китайские, мечи. Муж с женой провожали гостей, стоя у коновязи. Айдыс с Мергеном бросали любопытные взгляды из-за спин родителей.

— Куда же вы в ночь? Темно. Да и гроза надвигается.

— Никто не должен знать, что мы здесь были. Особенно ваш хозяин, ведь это он когда-то меня предал, никто кроме него не знал, что я помогал дургунам. Ведь и у него отбирали скот в пользу бедных. Слишком уж он зажирел и истязал своих работников, а когда-то ведь отец его был простым аратом. Богатство не всегда идет на пользу душе.

Седобородый, отъехав за юрту и сдерживая застоявшегося коня, попросил:

— Соян, походи сюда! Скорее! — сунув в руки хозяина юрты какой-то большой сверток, прошептал на ухо: — Это тебе. Теперь

и на охоту сходить, и против обидчиков постоять сможешь, время сейчас трудное, не благодари, это мой подарок.

Соян, оглянувшись по сторонам и незаметно сунув сверток под полог юрты, вернулся к своим. Хлынул дождь.

Всадники исчезли в темноте.

Вся семья, стряхнув дождевые капли, расселась вокруг очага, доедая остатки приготовленной пищи. Изредка Мерген бросал за дверь кости собакам. После чая хозяин, привалившись к подушке, задымил трубкой, мать с дочерью стелили одеяла из мягких овечьих шкур, Мерген около очага возился с уздечкой для лошади. Вскоре все улеглись. В очаге потрескивали затухающие угли. Изредка слышались тихие стоны раненого. Дождь стучал по старой юрте, гулкие раскаты грома стихали, удаляясь. Внезапно в темноте послышался голос Айдыс:

— Ачай, а кто эти люди? Почему они тебя знают? Я где-то видела этого, который помоложе. Дедушка с белой бородой совсем не страшный, он как-то по-доброму на меня смотрел, а Темир-оол все время мне подмигивал.

— Спи, глупая! Все бы на парней смотрела. Не мешайте отцу спать! Утром все узнаете, — раздался голос матери.

— Правда, ачай, расскажи, а то до утра ждать, вдруг ты забудешь или не захочешь нам рассказывать, — поддержал сестру Мерген.

— Угмонитесь оба! Не то накажу, — Салбакай привстала на локте, словно хотела строгим взглядом остановить непокорных детей, но в темноте не было видно ее нахмуренных бровей, и она, повернувшись на бок, тихо засопела. Отец, слегка покряхтев, повернулся к детям и задумчиво спросил:

— Что же вам рассказать? Это длинная история. Я тогда был молод и имел только коня да плетку. Да и коня-то выиграл на скачках. Трудное было время. Маньчжуры всем тут заправляли. Торговали в свою выгоду, конечно, налогами обложили всех. Мой отец и мать умерли от голода и болезней. Сестру отдали в услужение богатому купцу, кормить было нечем, страшный мор был тогда, среди людей и скота. Старик этот был тогда молодой, в то время его звали Кара-Сал за его черную бороду, вот он и взял меня

табунщиком, любил я коней. Не очень богатый был человек, но он нашего рода и помогал многим. Китайцев не любил. Тогда тут власть маньчжурского хана была, хоть некоторые нойоны были из местных, но за людей нас не считали, многие были недовольны. За непокорный характер его разорили налогами, начали преследовать, он потерял все. Надели на него колодки и увезли в Кобдо, а потом в ставку цзян-цзюня, китайского наместника, в Улясутай. Как он оттуда сбежал, до сих пор не пойму, отчаянный был человек. Не смотрите, что он старый, для него и сейчас три дня в седле — что три пиалы чая выпить. Люди говорят, видели его с сыновьями у Кара-Дага во время восстания Самбажыка. Много и наших было: кого убили в бою, кого казнили. Теперь вот скрывается, от кого не знаю, хотя врагов у него и сейчас хватает, и имен поменял он с того времени немало, ведь головы его друзей еще долго висели на шестах на каждом перевале. Кто прислуживал китайцам, теперь другим хозяевам служат, да и между собой у них не все хорошо. Слышали? Про какой-то совет рассказывал. У богатых свои игры, нам, беднякам, не понять. Хотя и так ясно, каждый себе кусок пожирнее хочет отхватить, а кому служить, им все равно, лишь бы богатство свое сохранить. Хочется ему отомстить за семью, может быть и правильно, только старый он уже, хотя в седле как молодой. А на тебя смотрел, наверное, дочь свою вспоминал. Красавицей была. Да и ты у нас ничего, а?

Дочь поспешно юркнула под одеяло: так не видно будет ее зардевшихся щек; она забыла, что в юрте темно, и никто не видит ее румянца.

— А Темир-оол, кто он? — подал голос Мерген.

— Да кто его знает, сколько помню его, еще мальчишкой он все время при нем. Говорят, он сын его сестры, которая исчезла вместе с мужем в смутные времена. Говорят, он может рукой камень разбить, стрелой в воробья попасть, ногой дерево свалить, что они со своим дядей совершили паломничество, искали правду в Тибете у самого Далай-Ламы, долго жили у буддийских монахов в Шао-Лине, да мало ли что люди говорят. Он здесь был на празднике, когда наш бай дочку замуж выдавал. Хозяину не понра-

вилось, что Темир-оол тогда всех победил в борьбе хуреш и награду, коня, забрал. Наш бай двух своих слуг чуть до смерти не заporол за поражение. Темир-оола даже хотели догнать и коня отобрать. Да только араки слишком много было выпито. Невеста вся в украшениях из золота и серебра сидела, из Китая, наверное. После этой свадьбы хозяин поборы повысил вдвое, вот и покрыл расходы, выдал замуж дочку за наш счет. Сколько же еще предстоит перетерпеть бедному народу, чтобы на нашей земле была справедливость, спокойствие и мир, — последние слова дядюшки Сояна упали в пустоту, потому что молодой здоровый сон уже поборол любопытные головы и лишь тихое сопенье слышалось из-под покрывавших детей овечьих шкур.

Когда уже брезжил рассвет, поправив под головой Мергена подушку, Соян вышел из юрты. Летом ночи короткие. У коновязи бил копытом рыжий конь, верный спутник и незаменимый помощник в кочевой жизни, уже постаревший, как его хозяин. Овцы в загоне сбились в кучу, словно пытаясь согреться и обсохнуть от утренней росы и холодного тумана, уже начавшего спускаться с вершин гор. Из дверей юрты показалась жена с ведром и направилась к коровам: близилось время утренней дойки. Над юртой показался легкий дымок, кто-то зажег очаг. День начинался снова. Соян, посмотрев зачем-то на небо, на ближайшие горы, вошел в жилище.

— Ну, дети, сегодня нам предстоит долгий путь. Надо собрать юрту, погрузить все в повозку. Мерген погонит скот, а мы с поклажей поедem. Ты вчера куда бычков отогнал, далеко? Надо еще колеса смазать, чтобы в пути не случилось чего, — торопил детей отец.

— А с ним что делать будем? — показала взглядом на незнакомца Айдыс.

— Надо его положить на повозку и закрыть овечьими шкурами. Но не думаю, что нам кто-то встретится. Все на дальних пастбищах, а на стоянке хозяина уже неделю пьют араку, я вчера видел одного табунщика, еле в седле сидел. Да и кому какое дело? Меняем стоянку, может быть, трава здесь плохая, нашим овцам не нравится. Да и стреляли вчера. Испугались мы. Вот и уезжаем.

Видно было, что он слегка нервничает. Частая смена стоянок была подозрительна, на выхода не было. Закончив быструю трапезу, вся семья принялась за работу, и к середине дня лишь легкий дымок от залитых водой углей да следы скота на земле напоминали о том, что здесь недавно были люди.

К вечеру добрались до опушки леса. По небольшой равнине густелись сочные травы, ближайшие горы были покрыты высокими таежными деревьями, где-то журчал неприметный ручеек. Из высокой травы показалась голова большеногой птицы, рядом вышагивали еще несколько.

— Отец, смотри, журавли! — воскликнула Айдыс и взмахнула рукой.

Потревоженная стая тут же поднялась в небо.

— Красиво летят. Журавли — это хорошо, значит, место здесь тихое.

Он уже мысленно искал удобное место для юрты, оглядываясь вокруг. Юрту поставили у самого леса. Вода была совсем недалеко, била струей из небольшой скалы. Прозрачная и вкусная, с каким-то странным привкусом, она ломила холодом зубы.

— Здесь когда-то был аржаан, потом исчез. Наверное, люди чем-то обидели духов, а теперь он снова появился, значит, недобрые люди ушли, — мать, тихо вздохнув, повязала на веточку кусочек ткани и, молитвенно сложив ладони, что-то зашептала.

— Опять ты со своими духами, много они тебе помогли, — проворчал отец, привязывая лошадь к дереву.

— Помогли, не помогли, а дети мои живы и здоровы. Ладно, давайте работать, может, до темноты успеем юрту поставить.

Работа закипела и, когда замерцали первые звезды, все было готово. Легкий дымок поплыл в сторону густого леса, тихий пейзаж наполнился новыми звуками; лаяли собаки, сбивая овец в кучу, изредка ржали лошади, из юрты лился мягкий луч света, слышались голоса людей.

— Смотрите, он открыл глаза, — сказала Айдыс и склонилась к раненому.

Человек действительно удивленно смотрел вокруг и даже попытался приподняться.

— Пить... — произнес слабым голосом и откинулся на подушку.

— Лежи, лежи. Сейчас мы будем тебя лечить, — произнесла женщина и поднесла ко рту незнакомца пиалу. Он, выдержав паузу, выпил, поморщился и снова закрыл глаза.

— Ничего, к утру будет лучше, немного протрясло в дороге, — успокоила своих Салбакай.

— Сколько лет живу с тобой и все удивляюсь, откуда что берется, воистину не знал, на ком женюсь, на шаманке или колдунье, — сказал Соян, широко открыв глаза в притворном страхе, и улыбнулся в сторону, чтобы не видела жена. В душе он был доволен, она лечила и семью, и скот, но не мог удержаться и постоянно подшучивал над ней.

— Никакая я не шаманка и не колдунья, не пугай детей. Что-то от бабушки, что-то от мамы, кое-чего сама придумала. Природа щедрая, надо только с умом пользоваться, не вредить ей, в свое время травки собирать. Да вон жена русского купца, что покупал у нас скот, тоже кое-чего подсказала. Долго не приезжают. Наверное, дорогу забыли к нам.

— То-то вы с ней шушукались по углам. Говорят, что русским купцам наши местные нойоны и маньчжуры запрещали торговать. Я так думаю, что по справедливости торговали, потому не хотят сюда пускать. Хотя в торговле каждый свою выгоду ищет, я ведь тоже однажды соболя с двумя дырками от пули подсунул, не смог с одного выстрела убить, но хороший был, с черной спинкой, как сейчас помню. Но это ненадолго, ведь торговля всем нужна. Маньчжуры нам железо боялись продавать, а я у Федора хороший лемех для плуга на бычка поменял, с другим купцам так бы не столковался, справедливый мужик оказался. Нам бы коня хорошего, можно было бы и просо, и ячмень посеять, да куда уж, опять поборами задавят, нашему было всегда мало, он еще про этот плуг не знает.

На другое утро жизнь чабанской стоянки началась обыденными заботами о скоте, о быте, о хлебе насущном. Мерген пас овец на склоне горы, отец возился с лошадьми,

мать с коровами и козами, а Айдыс вывела незнакомца из юрты и посадила на шкуру у дерева. Он уже смотрел осмысленно на все вокруг, на окружающих его людей, подолгу задерживал взгляд на хлопотливой девушке. Он, наверное, понял, куда занесла его судьба, и про себя решал, как ему быть дальше. Рана на голове его почти не беспокоила, он пытался ходить, хотя временами все еще расплывалось в глазах, но организм его приходил в норму. Но крепкий чай и молодая баранина скоро сделали свое дело. И однажды он сел на лошадь. Это была спокойная кобыла, которая сначала мелкой рысью, а потом галопом понесла его по долине. За ним молча, с любопытством наблюдали. Отец с улыбкой на губах, мать с тревогой за неокрепшего, еще недавно больного, а дочь с опаской, что лошадь унесет седока за ближайшие деревья и больше не вернется. Карие большие глаза и умный взгляд этого человека уже тронули девичье сердце. Она еще этого не знала и не понимала по своей наивности, но чувствовала, что что-то происходит в ее душе. Какие-то новые ощущения вдруг наплывали на нее, она не знала, что это такое, но с удивлением замечала, что ей нравится трогать его волосы, когда он спит на солнце. Сердце ее сжималось от боли, когда он стонал во сне, хватался за голову и иногда покачивал ею из стороны в сторону, словно пытаясь сбросить боль.

Прошло некоторое время, и незнакомец стал своим, рубил дрова, носил воду, помогал по хозяйству, на щеках появился румянец. Оказалось, что он здоров телом и по своему хорош собой – той красотой мужчин-азиатов, воинов. Его большие сильные руки легко справлялись с любой работой, которая, похоже, была ему знакома с детства. Никто не задавал ему никаких вопросов, не спрашивали имени, между собой называя его «Оске» – другой, и ждали добровольного рассказа. Но иногда, подолгу задумываясь, он сидел на ближайшем холме и смотрел вдаль. Жизнь на маленькой стоянке продолжалась, и что ожидало в будущем ее обитателей, никто не знал.

Однажды вечером, когда скот был уже в загоне, к юрте подъехали три всадника. Один из них был в богатой

одежде, и ему помогли сойти с коня. Громко покашливая, словно предупреждая обитателей о своем появлении, он открыл дверь и вошел, за ним шли двое плечистых мужчин, похожие на слуг. Войдя, он уселся на почетное место и грозно уставился тяжелым взглядом на присутствующих.

— Ну, Соян, все ли мои овцы целы? Что нового? Почему ты переехал на новую стоянку? На том стойбище, где ты должен быть, мы тебя не нашли. Почему? — в его руках уже дымилась паром пиала с чаем.

— Все хорошо, Кудурукбай. Ушли потому, что беспокойно там было, ущелье рядом, ветры. Салбакай вот решила здоровье свое у аржаана поправить, да и трава здесь лучше, — в глазах Сояна была тревога.

— Я вижу, семейство у тебя прибавилось, или это гость твой? — не глядя в сторону незнакомого ему человека, резким тоном спросил Кудурукбай.

— Работу ищет. Пока оставил у себя, где четверо, там и пятеро, прокормим как-нибудь.

— А почему я ничего не знаю? Может, он вор или убил кого? Почему ты ему поверил, приютил на моей стоянке чужого человека? Мне ничего не сообщил. Придется мне его к хошунному дарге доставить, там быстро разберутся.

— Он хороший работник. Я уже стар, сын еще молод. Зачем его забирать, он тихий и смирный человек. Всю работу, что скажешь, выполняет. Ведь тебе нужны хорошие работники?

— Что-то он не похож на тихого человека. Да и на лбу у него шрам не от плетки. Не нравится он мне. Говори, собака, кто он на самом деле!

— Я же говорю, работу он ищет, вот я и приютил его.

Во время разговора члены семьи Сояна тревожно переглядывались между собой, изредка наблюдая за Оске, который постепенно передвигался к выходу из юрты.

Это заметил Кудурукбай и внезапно закричал:

— Сидеть! Всем сидеть, где сидите! Эй, Чалча! — кивнул он одному из своих и, указав плеткой на незнакомца, велел обыскать его. Крупный плечистый парень с охотничьей остротой обыскал Оске и отошел в сторону.

— Хозяин, ничего нет.

— Обыскать всю юрту! — громко сказал Кудурукбай. У Сояна застучало сердце, он вспомнил про ружье, подарок друга, мятежного скитальца, и про плуг, о котором не сообщил хозяину.

Вскоре на середине юрты лежали ружье и злополучный плуг. Увидев это, Кудурук-бай потемнел от гнева.

— А это что! Сгубить меня хочешь! Все. Терпенью моему пришел конец, долги не отдаешь, а плуг купил. «Албан» отдал, а про «ундуруг» забыл? Где ружье взял? Молчишь? Хватит! За долги я дочь твою забираю, отдашь долги, отдам дочь. А с этим мы еще разберемся. Связать его!

— А-а-ваай, доченька моя! — запричитала Салбакай, — Не отдам!

Получив удар по голове, она упала возле сундука. Старик Соян повалился рядом от удара кулака второго слуги. Мерген с криком выскочил из юрты, надеясь, что его услышат люди, но из видневшихся вдалеке юрт соседей никто не появлялся. А за открытыми дверями началась настоящая свалка. Слуги Кудурукбая никак не могли справиться с Оске, который защищался в глубине юрты. Наконец ему удалось вывернуться и ударить одного, и выбросить другого за дверь, где на несчастного тут же накинулись собаки. Хозяин, поняв свое положение, побелел от страха. Приблизившись к нему, Оске схватил его за халат, дорогая ткань порвалась, открыв жирную грудь. Кудурук-бай начал задыхаться. Из-за угла сундука показалось испуганное лицо спрятавшейся там Айдыс. Вдруг за стенами юрты послышался топот коней и возгласы: «Догоняй его, вяжите!». Дверь распахнулась, на пороге стоял возбужденный от погони Темир-оол и улыбался. В проеме двери было видно, как несколько человек арканом привязывают к коновязи одного из слуг. Оске, отпустив Кудурукбая, рывком поднял второго и выбросил за порог, его тоже связали. Суматоха улеглась, в юрту вошли Темир-оол и седобородый.

— Кажется, мы вовремя. Темир-оол, помоги хозяевам, — седобородый подошел к Кудурукбаю, поправил на поясе

кинжал и произнес: — Ну, что? Благодарю бога, что мы подоспели, иначе этот молодой и горячий прибил бы тебя. Ты не понимаешь, что время наступает другое, скоро хозяевам вашим конец придет. Дух свободы летает над Хемчиком, и принес нам его Самбажык, про которого некоторые забыли. Мы не дадим больше продавать своих людей в рабство и истязать бедных аратов. То, что предал меня когда-то, я помню. Но ответишь ты не за это, не за мою семью, а за то, что до сих пор притесняешь своих сородичей и пьешь кровь невинных людей. Отец твой был бедный арат, и богатство ваше от коварства, лжи и обмана. Надо вернуть его людям, ведь это принадлежало им когда-то

— Ты дьявол, я думал, что тебе отрубили голову. У тебя их, наверное, две. Поэтому ты вернулся. Но не обольщайся, давно уже на тебе идет охота. Все хотят твоей головы, и те, и другие, — Кудурук-бай, тяжело дыша, смотрел ненавидящим взглядом прямо в глаза своему собеседнику. В глазах была бессильная злоба и страх.

— Ну, это мы еще посмотрим. Темир-оол, привяжи хозяина рядом со слугами. Чтобы им скучно не было, пока мы тут беседуем.

Салбакай и Соян уже стояли на ногах. Он молча вытирал кровь с лица полой халата, а жена, морщась от боли, ставила опрокинувшийся котел на очаг. Айдыс помогала ей, и вскоре в юрте все было на прежних местах, словно тут ничего не происходило.

Скоро в юрте стало тесно от гостей, все они были друзья или попутчики седебородого. Одежда некоторых из них отличалась от одежды местных жителей. В котле варилась баранина. Когда Салбакай подала «хан» на деревянном блюде, Соян спросил своего старого друга и бывшего хозяина:

— Называть Кара-Салом тебя, наверное, сегодня нет смысла. Нового имени твоего я теперь не знаю, но мне все равно, буду звать тебя другом. Так вот, друг мой, хочу тебя спросить, почему вас сегодня так много и куда держат путь копыта ваших коней. Если не можешь, не отвечай, я

уважаю чужую тайну. Но, сам знаешь, к старости становишься очень любопытным. Я заметил, коней вы не расседлали. Значит, ночевать не собираетесь.

— Сколько знаю тебя, все время удивляюсь твоей пронительности и наблюдательности, — ответил седобородый. — Имен у меня действительно много. Я, наверное, и забыл настоящее, такая у меня жизнь. Не смог дать счастливой жизни своим детям, постараюсь для других. Секретов у меня от тебя нет. Знаю, что не выдашь. Не мог не заехать к другу перед дальней дорогой, да и дело непростое собираемся совершить. Тут со мной лишь часть людей. Но лучше все по порядку. Примерно год назад я тебе уже рассказывал, что в Сучане восстание, пала маньчжурская династия, которая мучила больше ста лет и наш народ. Ты помнишь, как мы изгоняли китайских купцов и нойонов. Но этого мало. Надо помочь нашим соседям монголам. Имена Максаржава и Дамдинсурэна тебе ничего не говорят? За время многих скитаний я приобрел новых друзей, которые в свое время помогли и мне, иначе я не остался бы живым на чужбине. Сейчас настал мой час оплатить долг перед ними. Если мы возьмем Кобдо, маньчжурскую крепость, слышал, наверное, про нее, то и на земле монголов настанет мир.

Сегодня более тысячи воинов-уряных собрали мы, чтобы сразиться еще раз за свободу, монголов будет в несколько раз больше, разные народы придут под стены Кобдо. У кого-то там родственники, кто-то едет мстить за родных. Я же потерял все, но знаю, что такое свобода, и готов отдать остаток жизни в борьбе за нее. Когда-то и я был бедным аратом. Знаю, что это такое — потерять семью, сыновей, дочь и жену. Я еду не мстить, я еду за свободой. Вот и все. Надеюсь, что ответил на все твои вопросы.

— Да-а, я так и думал. Знаешь, иногда в юрту заходят разные люди, ведь рядом ущелье, это самый легкий путь, здесь когда-то ходили караваны, наверное, и ты так пойдешь. Говорили и рассказывали разное. Везде одно и то же. Я понимаю тебя, хотя сам бы не отважился на такое. У меня семья. Но если смогу чем-то помочь, я всегда

готов. Вижу, что люди у тебя новые появились, у них другая одежда, кто они? Темир-оол, смотрю, надел такую же.

— Ты, наверное, слышал, что я побывал на Тибете. Это монахи, они дали обет защищать слабых и наказывать злых людей, на нашей земле они впервые. Они воины по натуре и монахи в душе, ходят по свету и помогают несчастным. Темир-оол был там вместе со мной и тоже кое-чему научился. Ты не видел, как он владеет мечом, но он и его друзья и без оружия для врага очень опасны, а помощи нам от тебя не надо. Ты накормил нас, напоил вкусным чаем, что еще нужно для усталого путника? Кони наши отдохнули, нам пора в путь. Спасибо тебе, Соян, друг! Осталась, правда, проблема с твоим хозяином. Что будем делать?

— Ничего, пусть живет. Может, поймет когда-нибудь, ведь у него тоже дети.

Они подошли к коновязи, отвязали пленников, которые, выстроившись в ряд, понуро ждали своей участи. Седобородый, крепко сжал в руке плетку, поднес ее к побледневшему лицу Кудурукбая и произнес:

— Запомни, жирная свинья. Я вернусь. И если еще раз услышу, что ты кого-то разорил или обидел, повешу вниз головой вот на этой сосне. Ты понял?

— Понял... понял, господин, — губы Кудурукбая тряслись от страха.

— Ха-ха! Слышали? Вот я уже и господин! Отпустить их. Скажите спасибо дядюшке Сояну, у него мягкое сердце.

Лишь мелкий стук падающих вниз по склону камешков отмечал путь убегающих в страхе людей Кудурукбая и его самого.

Все стали собираться. Салбакай засуетилась и стала паковать походную сумку для гостя. Айдыс внезапно краем глаза увидела у коновязи о чем-то горячо спорящих Темир-оола и Оскея. Сердце ее замерло в тревожном предчувствии. К ним подошел седобородый, после недолгой беседы они вернулись к хозяевам.

— Послушай, Соян. Твой гость уже выздоровел, как я вижу, и просится с нами. Еще в прошлый приезд я кое-что понял, и теперь знаю о нем многое. Тебе это не нужно знать, он ничего не сделал плохого, лишь защищал честь

своей семьи, который теперь у него нет. Если ты его отпустишь, мы возьмем его с собой, — тут он увидел наполненные болью глаза Айдыс и продолжил:

— Хотя подозреваю, что уехать ему будет непросто.

Девушку словно охватила какая-то болезнь, она не могла сдвинуться с места и лишь беззвучно повторяла побледневшими губами: «Как же так, как же...Оске!?» Она вдруг поняла, что полюбила этого молодого мужчину. Любовь, как всегда это бывает, пришла незаметно и внезапно. Она даже не подозревала, какое это сладкое чувство, и вместе с тем горькое, когда готовишься расстаться с любимым, или потерять его навсегда, еще не успев ощутить всю прелесть прекрасного, что готовила им жизнь. Оске подошел к ней и увел ее за ту сторону юрты, где их не могли увидеть. Салбакай стояла у дверей в полном ошолоблении. Целая гамма чувств и мыслей отражалось на ее лице, она поняла главное — ее дочь уже не девочка с косой, а будущая женщина, уже сейчас способная любить и страдать, как страдала и мучилась она в пору далекой юности.

— Ты не беспокойся, Соян. Я сделаю все, чтобы он вернулся, — уговаривал старика седобородый, стоя у коновязи. — Он парень непростой, умеет за себя постоять, такие не погибают. Да что ты, в конце концов! Возьми себя в руки!

Несчастный старик все повторял: «Ну, Айдыс, ну доченька... надо же, а я и не замечал... что же теперь будет?..»

— Да ладно! Пусть остается, если на то пошло! — в сердцах воскликнул седобородый и пошел навстречу Темир-оолу, который уже вел оседланного коня.

Из-за юрты вышли Айдыс и Оске. Глаза у девушки были заплаканы, но держалась она уверенно, что-то новое появилось в ее взгляде и походке. Подошла к молчавшим в оцепенении родителям и произнесла:

— Авай, ачай, я буду его ждать, он сказал, что вернется, и я ему верю.

— Бог с тобой, доченька, пусть удача всегда идет

впереди него. Ведь мы полюбили его, как сына, — Салбакай заплакала, Соян дергал ее за полу халата, безуспешно пытаясь остановить поток слез. Думал, наверное, о том, что его старуха, может быть, вспомнила, как провожала когда-то его самого, только он не помнил куда.

Всадники сбились в кучу, Оске подвели коня, он вскочил на него, и вереница скрылась в темноте. А на пороге юрты еще долго стояла девушка с черной косой и вглядывалась в темноту до тех пор, пока не утих стук копыт. Она словно видела в темноте, что ее Оске оборачивается на скаку и на прощанье машет ей рукой. Наконец вышедшая из юрты мать увела ее за руку. При слабом огне в тишине сидели четыре человека, и каждый думал о чем-то своем. Мерген о том, как он вырастет и так же лихо поскачет, Соян и Салбакай о днях своей юности. Айдыс же думала о вечном — как вернется ее любимый, будет свадьба, потом долгая жизнь, маленькие дети, любовь и счастье. Она не могла предполагать, что в ее жизни будет еще много потрясений, счастья и потерь, любви и надежд, встреч и расставаний, всякого хорошего и плохого. Сейчас она хотела одного: чтобы как можно скорей вернулся любимый, целый и невредимый. Она верила в это.

Иван ШУСТОВ

ТРОПЫ И ПЕРЕВАЛЫ

Рассвет наступал стремительно. Словно высвеченные изнутри, вспыхнули снеговые вершины гор, и серые предрассветные тени упали в лиловые пади. Оттуда поднялись альпийские галки, с соседнего склона донесся хрипловатый крик улара. На вершине скалы четко вырисовался силуэт козерога. Садыяжик откинулся на каменную глыбу и начал медленно натягивать тетиву лука. Положение для стрельбы было не из самых удобных, и даже сквозь дубленую овчину охотник чувствовал острые выступы камня. Спина начинала болезненно ныть, но пошевелись стрелок — и стрела уйдет мимо цели. Наконец... Садыяжик даже подался вперед, словно желая и в воздухе

направлять полет стрелы. Но рука и глаз не подвели охотника. Козерог, прервав свой последний прыжок, покатился по склону. Недаром люди дали Садыяжику из рода монгушей прозвище «Сагынгыр» (удалой, находчивый). Так выследить зверя и так пустить стрелу мог только он. Охотник вытер залитое потом лицо, оглянулся и вздрогнул. Опять он на этом перевале... И память отнесла его на много лет назад, и былое воскресло перед его мысленным взором.

...Дорогу Садыяжик Монгуш нашел по звездам. Ушел от смерти — был в числе приговоренных. Ущербный месяц лил над горами рассеянный свет, в падах залегли глубокие тени. Переходя перевал, вздрогнул от неожиданности, сверху раздалось хрипкое воронье карканье, хлопанье крыльев. Вгляделся и в тусклом свете увидел странное — на шесте что-то шевелилось. Ветерок донес тлетворный запах. С ужасом Садыяжик понял, что над ним висела человеческая голова. Над тропой, ведущей через перевал, на расставленных шестах — головы его товарищей, и ветер шевелит пряди их волос. Вот как довелось свидеться с теми, кто еще недавно выступал против засилья богачей. Монгуш все хорошо помнил. Гора Кара-Даг дала приют восставшим. Число их было шестьдесят. Но силы были слишком неравны. Правители китайской Монголии, в состав которой входила вассальная Тува, послали карательное войско. Ценой невероятных усилий Садыяжику удалось сбить сковы... Охрана бросилась в степь, прочесала все окрестности на расстоянии суточного пути, но беглец как сквозь землю провалился. А сбжавший был рядом, невидимый для глаз карателей — лежал во дворе под верблюжьими седлами. Выжидал двое суток. И вот свобода, но наполовину, ночная свобода, звезды в высоком небе, запахи и шорохи тайги. Родная земля прибавила сил. Враги могли настичь и здесь. Были посланы солдаты в, родной беглецу, Сут-Хольский хошун. Садыяжик ушел из Тувы. Снова — чужбина. На этот раз по северную сторону Саян. Там у хакасов, промышляющих извозом, приютился беглец. Говорят, даже тигр после удачной охоты становится миролюбивым. Много, много воды утекло, прежде чем

Садыяжик Монгуш вернулся на берега родного Хемчика. Там он пас скот со своими братьями. Хотя цзиньская империя переживала политический кризис, Садыяжик, как бывший политический враг ее, старался жить скрытно — неровен час... Тем временем росли, становились на ноги дети, и Монгуш радовался, глядя на них. Особенно старший, Чолдак-Ашак, ловкий и удачливый охотник, напоминал отцу молодость. Весной ветра дули с северных Саян, и вдруг пошли оттуда новые люди. Еще будучи в хакасской стороне, Садыяжик наблюдал там русских купцов, промышленников — энергичные, порой напористые люди. Они везли с собой российские товары, русские священники уговаривали народ креститься в церкви. Садыяжик уже был слишком стар, чтобы принять новое, но возмужал Чолдак-Ашак, подрастали внуки. Новые времена, новые песни, и петь их молодым. Под старость Монгуш стал нелюдим, часто уходил в тайгу и подолгу жил там. Глядя в ночное небо, вспоминал он молодые, полные опасностей и приключений годы, и порой грезились ему желтый Улясутай и хлопанье черных крыльев на зловещем перевале. А жизнь шла своим чередом.

Над тушей убитого медведя охотники совершали старинный обряд. Чолдак, заколовший зверя рогатиной, кланялся и произносил слова заклинания: я не сам убил тебя, меня заставила нужда. Череп добытого зверя Чолдак-Ашак повесил на высоком дереве, как того требовал старинный обычай. Люди, проезжавшие мимо, кланялись и просили удачи. Все знали, что Чолдак-Ашак ловкий охотник, но никто не произносил его имени в связи с добытыми медведями. Это считалось грехом. Зато о других охотничьих удачах Чолдак-Ашака широко шла молва: ждатель ли зверя в скрадке, гнаться ли сутками на лыжах за ним, в этом не было Чолдаку равных. Добудет зверя и разделит мясо между жителями аала, зато и соседи поделаются с ним, когда будут колоть домашнюю живность. Так и шло время, то осень накидывала цветной хадак на горную тайгу, то зима перевалы укутывала горностаевым мехом. Жизнь шла своим чередом, и Чолдаку пришлось быть свидетелем многих событий, которые не обошли

стороной и Туву. И вот, в 1944 году, решено было войти в состав Советского Союза.

Тогда строительством новой жизни было охвачено все население Тувы. Новый уклад потребовал новых людей. У Чолдак-Ашака подрастал сын, способный юноша Мышкыр-оол. Такому парню нужно учиться, нужным для Тувы человеком станет говорили люди, да и сам Чолдак-Ашак подумал об этом. Отец говорил: «Был я хорошим охотником — большие и малые перевалы одолевал, был и неплохим хозяином — достаток в доме не переводился. Сейчас, сынок, этого мало, знания нужны, хотел бы я, чтоб ты учился, ведь в иных случаях безграмотный человек подобен слепому». Мышкыр-оол крепко усвоил наказы отца и стал в числе первых, кто определился на учебу. Занятия предков повлияли на выбор профессии — он поступил учиться на охотоведа.

Кому не памяты студенческие годы? Улицы столицы Восточной Сибири Иркутска, веселые трамвайные звонки, кинотеатры и стадионы. Но родные места ждали молодого специалиста. Приезжая на практику, Мышкыр-оол порою скучал по Иркутску, а когда учился, все время вспоминал родную тайгу. Нужно ли говорить, что по распределению он вернулся в Туву. Здесь предстояло на практике применить те знания, которые он приобрел, с отличием закончив Иркутский пушно-меховой техникум и затем сельскохозяйственный институт. Предстояло стать организатором, бережливым и рачительным хозяином обширных охотугодий. «Да, молодых специалистов ставят порой на ответственные места, а справлюсь ли я? — этот вопрос беспокоил и смущал Мышкыр-оола Монгуша. — Может, лучше стать штатным охотником госпромхоза или коопзверпромхоза? Я молод, люблю тайгу и охоту». Но руководители с улыбкой выслушали его сомнения и романтические планы. Резюме было кратким: «Справишься! Если что, поможем, подскажем. Помни, главное — работа с людьми! Люди... Они ведь очень разные. Поди, загляни каждому в душу. Слишком добреньким не годится быть, но и строгой сухостью немногого добьешься. Охотники —

народ особый, их стихия — таежный простор, свобода. Словом, работы — непочатый край.

Тоджинская тайга. Нескончаемо ее раздолье, голубо-хвойные сосны расцветивают красноглинистые обрывы к Енисею. Увалы и косогоры покрыты светлыми лиственницами, кедры выбрались выше и ловят верхушками облака. Россыпь курумов пестрит бирюзовыми и кроваво-бурыми лишайниками. Слышны покрики кедровок. Нависают ветви казыргана над острыми серо-зелеными камнями. В низинах зеленомошники, вышитые гранатовыми стежками брусничника.

В красивых и совсем не бедных угодьях были отмечены границы Тоджинского коопзверопромхоза. И главным охотоведом его стал молодой специалист Мышкыр-оол Монгуш.

В дверь скромного домика, где на первых порах ютился молодой охотовед, раздался вкрадчивый стук. На пороге — Чооду Оюн, еще не старый охотник из промхоза. Выжидательно поглядев на вежливо поздоровавшегося Мышкыр-оола, он вынул из рюкзака сверток с мясом. Монгуш заметил и белую головку водочной бутылки, торчащей из кармана. В голове пронеслось: «Что делать? Вот положение!» Мышкыр-оол поднялся навстречу гостю: «Спасибо, что зашел, дядя Оюн. Но вот этого не надо. Я не нойон, чтобы принимать подношения. Я знаю, у тебя большая семья. Тогда почему гуляешь в рабочее время? Да еще бьешь зверя без разрешения. Сделаешь так — сдашь мясо в промхоз, а завтра получишь аванс и выйдешь на заготовку дров. Ведь осенняя горячая пора стоит, каждая пара рук нужна!»

Прилетел самолет из Кызыла. В конторе ожидал молодой человек в куртке канадских лесорубов и высоких ботинках.

— Виктор Ольховский, сотрудник, из Москвы, — протянул он узкую белую ладонь, представляясь. Перехватив взгляд, брошенный Монгушем на футляр из тисненной кожи, щелкнул блестящими застежками. Внутри, на желтом бархате, покоилась изящная трехстволка с

оптическим прицелом. Мышкыр-оолу стало неловко за свой выдавший виды карабин с выщербленным ложем. Он привык, что ценность оружия определяется его простотой и удобством в обращении. Но Виктор быстро перевел разговор на интересующую обоих тему о пушном промысле. Рассказал о намеченном плане по сбору научной информации: «Тоджинский соболь имеет рыжеватый оттенок, а вот соболь далекого Тану-Ола потемнее будет, потому что в пятидесятых годах туда был завезен соболь баргузинского кряжа...». Расстались уже затемно, Монгуш шел по улице, думая о том — достаточно ли боеприпасов завезено на зиму.

Открывая калитку, с удивлением заметил свет в окне. Обожгла радостная догадка — жена, Кариди приехала!

После взаимных радостных приветствий Кариди заметила:

— Мог бы и у самолета встретить. Я подумала, раз ты не пришел к прилету, значит в тайге, на промысле.

— Но ты же хотела к Новому году! И все равно я каждый самолет встречал, и вот только сегодня дела отвлекли, да еще один парень из Москвы прилетел, его устраивал на проживание. Молодой научный сотрудник, понимаешь.

— А, Виктор? Мы же вместе прилетели. Обходительный такой. Между прочим, я вначале подумала, что он из милиции — все спрашивал, продают ли охотники соболиные шкурки «налево» и носят ли в городе меховые шапки.

Выпал большой снег, и тайга, намерзшая от крутых осенних заморозков, словно согрелась и задремала под белым пуховым одеялом.

Вымахнул на опушку заяц, чутко вслушался. Залитая зыбким лунным светом, в безмолвии стыла горная тайга. Став на задние лапы, беляк раздвоенной губой потянулся к тонким горьковатым веточкам осины. Вдруг уши его уловили чуть слышный шорох, и в тот же миг, напряжись, косо метнулся в сторону и пошел мерять снег сажеными прыжками. А сзади иглисто мелькнула быстрая тень, и на облизанный ветрами сугроб взбежал черный соболь. Он постоял немного, нетерпеливым

движением отряхнул мордочку и мягкими, широкими прыжками пошел вниз, к бугрившемуся от постоянных наледей ключу — поискать, не заночевали ли в глубоком снегу рябчики. Уши соболя слышали шорох стекленеющего инея, темные глаза настороженно блестели в полосах лунного света... словно иглой укололо чуткого зверька, волной пробежал под пышной шубой озноб — впереди опасность! Соболю припал к снегу, сжался в комок, не сводя глаз с гущины еловых ветвей, нависших над заячьей тропой. Оттуда неподвижно, в упор, смотрели на него два желтых немигающих огонька, в морозном воздухе сложился удушливый незнакомый запах. Чуть заметно дрогнула еловая ветвь — и махнул соболю в сторону, за ним метнулся грузный лохматый зверь, с лету зарылся в сухой снег, выкарабкался из него, и неуклюжими, тяжелыми прыжками пошел вверх по склону, вслед за соболем...

Над уютно прикрытыми снегом домами беловатые дымки тянутся, выслаивают на голубом небе замысловатые фигуры, туманят серебряные искры звезд. Работник конюховки промхоза Филарет Михеич взял из кладовой лыжи, закинул за плечо одностволку, свистнул Волчка — и айда в тайгу! Забористый, спиртовой крепости морозец перехватывал с тепла дыхание, подбитие щетинистым кампусом лыжи легко скользили по вымороженному снегу. На подъеме пар от дыхания густо обдавал лицо, инеем оседа на бровях и ресницах. Ближе к крутобокой сопке часто стали попадаться следы кабарги. Волчок сунул нос в глубокий узкий следок, смешливо фыркнул и заспешил дальше, но на подъеме вдруг торчком поставил острые треугольники ушей и, весь подобрившись, шибче зашнырял по снегу. Впереди глубокий неровный след пропахал снежную крутизну склона, протянулся вверх, к камням. «Россобаха соболя гоняла, будь она неладна, перед рассветом уже», — определил подоспевший Филарет. Пес ходко пошел по не успевшему еще уплотниться следу. Михеич, топоча широкими лыжами, боком обошел крутизну и устремился вдогонку. Впереди запятнилась кровь, пушистые шерстинки были рассыпаны по насту, около выворотня

истошно закричала сойка. Не успел уйти соболь, обманулся — камни на вершине оказались сплошными, без спасительных пустот. Нырнул соболь в снег, тут его и придавила когтистыми лапами тяжелая росомаха. «Вот разбойница, хорошего соболя заела», — удивился охотник. А Волчок через разложину уже на другую сопку вымахивал. «Сытая, далеко не пойдет, а уж Волчок настигнет», — Михеич с уверенностью глянул в глубь таежного редкостоя и поехал вниз. Мелькнула мимо кряжистая лиственница, растопырив кривые ветки, сбросила увесистую шапку снега, а Степа Михеич уже на подъеме другой сопки. Вылез на вершину, услышал внизу, в буреломе, короткий злой лай и придушенный хрип. Быстро скатился Михеич, уперся рукавицами в тугую стопку елового молодняка. На снегу виднелись следы которой звериной потасовки. Рядом сидел Волчок и ошалело тряс головой, мутными глазами глянул он в лицо подоспевшему хозяину. Понял Михеич, рассмеялся: «Одушила кобеля росомаха!» — мускусные выделения особых желез, которые в минуту опасности выбросила росомаха, действовали на чуткий собачий нос, как удар дубинкой! По свежему следу двинулся Филарет дальше, сзади наседали очухавшийся Волчок. Около островерхой сушины второй раз остановил пес зверя и, не доверяя больше коварному хищнику, запрыгал поодаль, захлебываясь возмущенным лаем. Подкатился Михеич, из-за огромной ели прицелился в прикишшего перед прыжком на собаку зверя. Сухо стукнул выстрел, ткнулся хищник головой в снег, подскокил Волчок и схватил росомаху за шею. «Отрышы!» — поохотничьи прикрикнул на собаку Филарет. Подкатился сам и поднял росомаху за лапу. До чего неказистый зверь! Приземистый, лохматый, через спину тянется светлый чепрак, узкая морда с маленькими, глубоко запрятанными во впадинах черепа глазками оскалена в угрюмой злобе, толстые кривые лапы подвернуты внутрь острыми когтями. Одно хорошо — мех у росомахи отменный, не индевет на морозе, не волгнет в сырость. А по образу жизни зверь этот — первый в соболиной тайге разбойник. Плохо придется соболу, если не увернется он от тяжелой на подъем, но сильной росомахи. Затаившись возле тропы,

схватит росомаха метнувшегося в глубокий снег зайца, подкараулит и задерет осторожную кабаргу. Порвет и попавшего в капкан зверя, оборует хитро поставленную ловушку. Не любит таежный охотник этого зверя и, если попадет случай, не пожалеет времени и заряда на росомаху.

Глубокий снег упал уже в начале ноября, и охотники рано перешли от охоты с лайками к капканному промыслу. Дорогой пушниной, мягким золотом быстро заполнились хранилища заготпункта. Весело бывает в таежных деревнях в урожайные зимы! Кажется, что неисчерпаемы закрома матери тайги, и зверь словно сам идет в руки ловцов. Вот тут бы и развернуться! Но знает каждый охотник как опасен перепромысел! И, в разумных пределах перевыполнив план охотники вышли из тайги. Они отдохнули, потом занялись своим хозяйством. У специалистов же работы не убавилось, а прибавилось: пересортировка пушнины, учет оружия, работа с документами.

Виктор Ольховский уже заканчивал сбор материалов по выявлению солнечной активности на окрас соболиного меха. Заканчивалась командировка, и молодой москвич, выходец из семьи известного московского профессора, торопился. Но не хватало кое-чего... Нет, с материалами для диссертации было все в порядке... В том порядке, что с помощью отца работа получит добро на ученом совете. Способный парень Виктор, однако не любил загружать себя, понимая то обстоятельство, что уважение к заслугам отца простирается на него, как должное. Не хватало же еще нескольких соболиных шкурок, которые скупал не стесненный в средствах сын профессора. Выросший под надзором матери, женщины, вхожей во все столичные комиссионки и салоны со служебного входа, Виктор привык видеть во многих сторонах жизни прежде всего меркантильную сторону.

Мышкыр-оол Монгуш, узнав о скупочной деятельности Виктора накануне его отъезда, лег спать поздно. Долго думал, курил. Жаль было симпатичного, хотя и избалованного парня. Но что будет с ним дальше, если не поправить теперь? А вдруг отец вступится за провинившегося и

начнутся неприятности с самых высоких инстанций? Не лучше ли сделать вид, что ничего не произошло, и пусть Виктор везет дорогой презент из тайги?

Над перевалом разнесся рокот, залаяли собаки на улице, и вот уже АН-2 подруливает к стоянке. Неподалеку остановился выдавший вида милицейский «ГАЗик». Люди, привыкшие, что милиционеры «тоже люди» и живут одной жизнью с обывателями района, не обратили на них особого внимания. Но на этот раз, вежливо поздоровавшись, представители власти просят пройти приезжего москвича Ольховского и охотоведа Монгуша в приземистый домик деревенского аэропорта. Виктор, кажется, все понимает...

Он укоризненно глядит на охотоведа, но Мышкыр-оол не отводит глаз. Пойдет ли урок на пользу молодому ученому — время покажет.

Незаметно подошла к концу зима. Растопленные весенней погодой снега в низинных пожелтели, потемнели и только по самым высоким вершинам — белкам — сверкали фарфоровой белизной. Морозцы по утрам еще схватывали разнеженную весенним теплом тайгу, но дни зимы были уже сочтены. Метровые снежные завалы осели к земле, из-под них ударили серебряными струйками веселые весенние ручейки. Выставились напоказ крутые бока солнцепеков, покрытые обсохшей прошлогодней травой, словно линялой оленьей шкурой. Птичье разноголосье наполнило тайгу.

Весенние ночи тревожат и запахами, и шорохами. Где-то, под теплыми серыми тучами, глухой говор гусей. На опушке льется с перезвонами песня дрозда. Лес, вся земля живут ожиданием тепла и солнечного света, чтобы выплеснуть забродившие хмельные соки зеленой хвоей и листьями, цветами и побегами. Из года в год токуют на солнцепеках и елках поймы тетерева. Плохо спится птицам в весенние ночи. Только слиняет на востоке густая темень, польется, зажурчит, как снеговой ручей, тетеревиная песня. Напряженная и страстная, она соединяет в себе призыв и грусть по быстро уходящей весне. А она спешит заявить о себе обвалом быстроцветья. Полыхнули жарки по склонам. Закачались над зеркалами проток облака нежнопахучих

черемух. Горбины хребтов и седловины перевалов покрылись ситцевой пестрядью рододендронов. Ниже чистотел зажег желтые свечи цветов в фиолетовом сумраке чащи. Орияк-папоротник раскинул хищные крылья листьев-побегов под березами. Синюха лазурная пролилась по зеленотравью. Сгустками кровавого пурпура обозначились бутоны марьиного корня. Маралы уже начали отращивать рога. Но грозное оружие в начале лета имеет вид каких-то диковинных мягких наростов, покрытых бархатистой на ощупь кожей. По-охотничьи эти неокрепшие рога называются «панты». Издревле известно лекарство — пантокрин. Темная, таинственная сила, заключенная в настое из молодых рогов, возвращает людям здоровье и силы, бодрит и молодит. Заготовка пантов — доходная статья охотпромысла.

Вот уже потянулись длинные к вечеру тени... Пора! Мышкыр-оол собирался недолго, закинул карабин за плечо, вышел на тропу и вскоре уже карабкался по крутобоким солнцепекам. Через полчаса он уже стоял на перевале, чуть выше которого темнел кедровый лес. В кедраче легко дышится, высокие стволы мягко отсвечивают старой бронзой в лучах заката. Ощущение какой-то особенной легкости и покоя охватило Мышкыр-оола после тяжелого подъема. Еще несколько минут ходьбы, и Монгуш остановился возле обугленного молнией высокого лиственничного пня. Отсюда хорошо виден круто уходящий вверх склон. Ниже его светлеет выбитая копытами в земле яма, еще ниже беспорядочной кучей сухих ветвей виднеется скрадок. Несколько минут Мышкыр-оол внимательно осматривал солонец и подходы к нему. Добравшись до скрадка, он бросил брезентовый плащ на землю и проскользнул через ветки сам. Сидеть в скрадке было довольно удобно, сложно выпрямиться, вытянуть ноги, внимательно осмотреть все вокруг, стараясь представить себе, как будет выглядеть в неверном свете сумерек хотя бы тот искривленный ствол лиственницы, чтобы не дать маху, если ночью бесшумно подойдет зверь. А солнце уже зацепилось краем за синий хребет, и тайга нахмурилась глубокими ттяжами падей. Положив поудобнее карабин, Монгуш весь обратился в слух,

и остро глядел на менявшиеся очертания кустов и деревьев. Вот уже солнце за хребтом, и сразу стало сумрачно. Зазвенели над самым ухом комары, а вскоре на темном небе заискрились первые звезды. Потянулись медленные часы ожидания — полуявь, полусон... Мышкыр-оолу почему-то привиделась деревенская улица и строптивый взнузданный конь. Конь бил копытом и вставал на дыбы, роняя пену с удил в уличную пыль... Монгуш вздрогнул, открыл глаза, всмотрелся в начавшую уже редеть завесу ночной тьмы и затаил дыхание. Что-то, как показалось Мышкыр-оолу, огромное, серое, медленно и плавно двигалось и останавливалось. И вдруг взметнувшись, четко вырисовалась на фоне тускло-синего неба рогатая голова оленя. Марал-рогач наклонился, переступил и начал грызть и лизать комья соленой глины, размачивая их слюной. Неизвестно, сколько времени он был здесь, но Монгушу показалось, что зверь тут уже давно и собрался уходить. Плавным, неслышным движением Мышкыр-оол тесно вжал угловатый затыльник приклада в плечо и с трудом удержался от желания немедленно дернуть за спуск — ведь зверь совсем рядом! Потянувшись в сторону, марал переступил еще раз. Сейчас он выйдет из-под верного выстрела — ствол карабина, поворачиваясь вслед за зверем, неизбежно зацепит за сухие сучья скрадка. Ладони, сжимающие деревянное ложе, становятся влажными. Палец торопливо выбирает холостой ход спуска. Гулко хлестнул выстрел. Огненная вспышка на мгновение ослепила охотника, а в следующую секунду он увидел, как зверь нехотя повалился на бок. Тяжело перевернувшись, покатился, все убыстряя падение, с крутого склона вниз. Внешне Монгуш был спокоен. Ему было ясно — зверь бит «чисто». Он спустился вниз. Марал лежал, странно горбясь, уронив голову с драгоценными пантами в малорослый жесткий кустарник. Его сильные ноги с точеными копытами были согнуты от тяжести навалившегося на них многопудового тела. Что-то дрогнуло у охотника внутри при виде своей добычи. Красивейшее животное, благородный олень, нервный и стремительный как ветер — сейчас он лежал бесформенной кучей, грудой костей и мяса, обтянутых шкурой. Смерть

перечеркнула красоту животного, и Мышкыр-оолу показалось, что это совсем другой зверь, не тот марал, в которого он выстрелил из скрадка. Охотник поднял из кустарника тяжелую голову зверя. Влажная темень глаз неподвижно смотрел на него, в ней, как в маленьком зеркальце, искаженно отразилось лицо охотника — безлобое, с огромным растянутым ртом. «Неужели он мог видеть меня таким? — подумал Монгуш. — Страшным человеком с ружьем, который одним движением пальца отрезал его от этого леса, от шума листвы и ручьев, от непрерывного хода жизни, в которой были и борьба, и трубный рев, любовь». И тут Мышкыр-оол заметил, что те рога, ради которых и был убит могучий зверь, разбиты вдребезги и висят отдельными обломками на тонких лоскутках мягкой, пропитанной кровью кожи. Он сразу же вспомнил как падал марал после выстрела — какой-то нелепый кувырок через голову. Охотник растерянно глянул на тушу и заметил пулевое отверстие у самого основания шеи. Пуля раздробила шейные позвонки и лишила марала возможности инстинктивно оберегать неокрепшие рога от ударов, что он делает обычно даже при тяжелом ранении. Уже с ненужной осторожностью Монгуш опустил голову зверя в траву и выпрямился, осматриваясь. На востоке медленно занималась заря. Она казалась охотнику размытой, тусклой, и в тренькании овсянки, выпорхнувшей из зарослей таволги, ему послышался скрытый упрек.

Тоджинский район богат озерами и реками, большинство из которых несут свои воды в могучий Енисей. Озера, как зеркала, отражают небо. Выплывают рыбаки и мечут сети в голубую стылую глубину, и тянут огрузнувшие тенета — взблескивают на солнце серебряные бока сигов и хариусов. Рыбный промысел — одна из статей дохода охотничье-промысловых хозяйств. Но находилось и немало любителей «снять сливки» с народного добра.

Туман змеился над перевалом. Над горами раздался рокот. Ближе, — и вот уже винтокрылая машина зависла над излучиной. Некоторое время она висела в воздухе, покачиваясь, потом плавно опустилась на песчаную косу.

Взвихрился песок, по воде побежали круги, сменившиеся мелкой рябью. Стали различимы бортовые знаки из коих явствовало, что винтокрылая машина принадлежит кызылскому авиаотряду. Люди внутри не торопились. Казалось, сквозь стекла иллюминаторов они изучали обстановку.

Наконец хлопнула дверца, и на песке очутились люди, но не в летной форме.

Они были вооружены и зорко осматривались по сторонам. Прибывшие выгружали из чрева машины мешки и рюкзаки с рыболовными снастями, резиновыми лодками и продуктами. Вскоре задымился костер, загремела посуда, недалеко возникли зеленые треугольники палаток. Приехавшие, казалось, обосновались всерьез и надолго, однако они не теряли времени даром. Вскоре обводная сеть охватила плес, другие закачались своими поплавокками на стрелке, где струи воды с разных направлений, скрутившись выше по течению, затихают в стремительном потоке и только пузырьки и мелкие волны указывают на то, что вода не совсем еще успокоилась после крутого напора. Любят такие места энергичный, прожорливый таймень, степенные ленки, что ходят парами, и прогонитые, юркие хариусы, что держатся стайками над камнями. Здесь не нужно рыбе утруждать себя поиском пищи — взбаламученное течение выше рушит берега, вымывая лакомых червей и личинок, топит летающих насекомых, неосторожно приблизившихся к поверхности, и все это подается в виде «слоеного пирога» рыбе, что стоит на стрелке. Спустя несколько часов тяжело огрузнувшие сети были извлечены, а наспех обработанная рыба затарена в большие алюминиевые фляги. Еще два раза были закинуты сети, и вот уже скучающие ловцы с нетерпением поглядывают на небо — нежелательно, если слегка просоленная рыба долго будет находится в таре. Донесся звук работающего двигателя — все стали дружно вглядываться в безоблачное небо, но неожиданно моторная лодка вынеслась из-за речного поворота. Через несколько минут директор охотхозяйства Монгуш Мышкыр-оол Ашакович, главный охотовед района Нилов Николай Артемьевич и участковый Иванцов Валерий Дмитриевич предъявили свои документы. Ловцы

переглянулись, однако растерянность на их лицах сменилась нахальной самоуверенностью, когда старший из них извлек из кармана ветровки целую кипу бумаг с печатями и размашистыми подписями. Из этих документов явствовало, что незаконный по сути вылов рыбы одобрен на «самом верху», но Монгуш, Нилов и Иванцов не собирались так легко сдаваться. Они потребовали прекратить вылов рыбы и заявили, что будут проверять подлинность документов «Проверяйте, — ухмыльнулся старший, по фамилии, как выяснилось, Гомолицкий, — проверяйте, а наше дело маленькое. Вот когда докажете, что мы незаконно ловим, тогда и прекратим».

Явных браконьеров пришлось отпустить, хотя и был составлен протокол. Пока пришлось ограничиться констатацией факта нарушения, но продолжение инцидента не заставило себя долго ждать. Через два дня после случившегося в конторе промхоза зазвонил телефон. Директор взял трубку — звонили из райкома. «Ну что там у тебя, говоришь, браконьеры объявились?» — с наигранной веселостью в голосе спросил первый секретарь Кочерков Дмитрий Юрьевич. «Да тут такое дело...» — начал было Монгуш, но голос в трубке властно прервал его: «Давай, значит, так. Все бумаги по задержанию пришли ко мне с нарочным. Дело, конечно, это серьезное, и я сам должен взглянуть на протоколы». — «Задержания не было, Дмитрий Юрьевич, там стоят на бумагах, разрешающих лов, кое-чьи подписи. Но это не телефонный разговор, и мне хотелось бы при личной встрече...» — «Не торопись с выводами. Сделай, как я сказал. Поспешి в другом — скоро ведь август, а как у тебя с заготовкой кормов?» — «Да все это время проливные дожди мешали, а то бы мы давно уже управились», — несколько смущенно начал Мышкыроол, но Кочерков прервал: — «Но сейчас-то дождей ведь уже нет? Вон, погляди-ка, какое небо, хоть картины рисуй. Вот и нажимай. А с этим делом мы разберемся, не волнуйся».

Передав бумаги по задержанию в райком, Мышкыроол за хозяйственными заботами не забывал и интересоваться ходом расследования по факту этого браконьер-

ства. Что это все-таки браконьерство, притом крупное и хорошо организованное, — к такому неутешительному для себя выводу пришел директор после нелегких раздумий. Подрывалась вера в справедливое устройство общества. Монгуш вовсе не жаждал наказания провинившихся. Ему хотелось, чтобы была дана справедливая оценка произошедшему, которая бы исключила повторные инциденты. Секретарь райкома же с многозначительным видом каждый раз сообщал, что наверху идет «разборка», и если будут выявлены нарушения законов природопользования, виновные, конечно же, будут наказаны. Наконец Кочерков сообщил при очередной встрече Монгушу: «Ну, брат, заварил ты кашу... Была большая разборка, такие «шишки» понесли наказание...». — «Да? — поинтересовался Мышкыр-оол и назвал первую пришедшую на ум фамилию, совсем не упомянутую в разрешающих бумагах. «Конечно!» — вскинулся секретарь, — И он тоже! Однако ты злопаятный!». — «Да нет, это я просто так», — усмехнулся директор промхоза. Он подумал, что Кочерков просто блефовал, и что бумаги с грозными разрешающими подписями и протоколы по задержанию, скорее всего, не покидали металлического чрева райкомовского сейфа. Не посмел тревожить покой вышестоящих даргаларов Дмитрий Юрьевич во избежание проявления неудовольствия в свой адрес. Так молодой директор промхоза столкнулся с проявлением двойственной морали вышестоящих чиновников по древнему и печально известному принципу «что положено Юпитеру, не положено быку». Сизая хмарь рассвета врасстек струится сквозь оранжевые стволы сосен рощи. Нехотя сходит седой туман с коврового разноцветья полян, оставляя после себя серебристую филигрань росы. Но недолговечно это украшение в фиолетовых крапах и рубиновых звездах марьиного корня, муравы. Чуткий марал бродит среди белоцветья таволги, медленно наклоняет голову, увенчанную тяжелой, цвета старой бронзы, короной рогов. Вот уже солнце-ярило сушит косовую траву в низах, и солнечный луч ласково трогает кудреватость берез и, разбившись на каскад золотых монеток, пятнает живым дрожащим полусветом

бока косуль, пасущихся подле березняка. Песня зарянки приветствует наступление дня. Лесное зверье выбирает места для дневного отдыха, потенистее и попрохладнее.

Двое людей в охотничьем снаряжении пробирались по чаще. Они избегали лесных дорог. Видимо, выслеживали зверя. В этих местах неудивительно встретить зверобоев, однако, ведь был «не сезон», «Браконьеры!» — было бы первой мыслью местного жителя, если бы он вдруг повстречал этих людей. Но они таились...

Однако напрасно думать, что тайга скрывает все бесследно. Просто она умеет хранить молчание. Тайга безмолвствует, но знающим язык ее примет о многом может поведать. Сломанная ветка ольхи, перевернутый светлым исподом вверх лист борщевника говорят безмолвно. Птица из семейства врановых будут крутиться около места обитания человека, надеясь поживиться остатками его стола.

— Однако, чужие люди в тайге, дарга, они появились около местечка Ак-Даш, — сказал при встрече Мышкыр-оолу охотник промхоза Оюн Кара-Сал. — «Почему ты так решил? — полюбопытствовал Мышкыр-оол Ашакович, хотя вопрос был излишним — таежники обычно безошибочно определяют чужаков, — И чем же они занимаются?» — продолжил он расспросы. «Пока просто живут в старой охотничьей избушке, что на Ак-Даше», — дополнил Оюн. Монгуш задумался. Ак-Даш — ничейная земля, она не входит в кадастр угодий промхоза. Но что за люди поселились там?! Может, травники? Есть такие любители травного промысла и среди сельского населения, и среди горожан. В общем-то, безобидные люди, хотя таежная флора тоже требует бережного отношения и охраны. Ведь такие растения, как левзея сафлоровидная, родиола розовая, бадан, багульник, зверобой являются ценным лекарственным сырьем и собственностью государства. Но чужаки никак не проявляли себя, и директор постепенно, за заботами повседневными, забыл про них. А тут еще бригадир оленчиков Симчит Ондар пожаловал с тревожной вестью — потерялось одно из лучших стад оленей, составляющих основное поголовье промхоза. Трудно собираются

табунки этих недоверчивых, пугливых зверей, много тонкостей древнего заповедного ремесла нужно знать, прежде чем успешно будут вестись олени, зато хорошо налаженное оленное хозяйство — это огромная прибыль, гордость любого хозяйства. Это богатство порой служит предметом зависти нечистых на руку людей, которые иногда промышляют в таежной глухомани. Подозревать в угоне можно было и соседей из Иркутской области, до Мышкыр-оола и раньше доходили смутные слухи об их воровитости, но окончательный вывод могло дать только следствие. Был вызван следователь из райотдела милиции Баркоев Эдуард Санганович. Молодой, но толковый сотрудник, он приступил к работе, но пока расследование не приносило ощутимых результатов. Следователь связался с Иркутском, ему предстояла длительная командировка через Иркутск по таежным поселкам Бурятии, граничащей на северо-востоке с Тувой.

Промхоз жил в тревожном ожидании. В этот день Мышкыр-оол пришел в контору раньше обычного. Пересмотрел бумаги, глядя в окно. Волновалась от утреннего ветерка листва росшей под окном черемухи. Голубой казалось тайга, покрывавшая дальний мелкосопочник. Художника бы сюда... А тут такое! Монгуш уже начал уставать от этих переживаний. Он поднял глаза и вздрогнул — в дверях стоял старик Степан Чолдак-оол. Такая особенность у старика — ходит, как рысь, бесшумно. Монгуш вспомнил, что в поселке ходили разговоры о том, что Степан не в своем уме. Но Мышкыр-оол думал, что Чолдак-оол скорее себе на уме, чем не в своем рассудке, и почему-то недолюбливал хитроватого и неискреннего, как ему казалось, старика.

— Чего тебе, Степан? — излишне резко спросил раздраженный его внезапным появлением директор.

— Позволь, дарга? — указал глазами на стул Чолдак-оол.

— Садись, садись, дед! С чем пожаловал? — улыбнулся Мышкыр-оол, стыдясь за недавнюю резкость.

Но Степана не смутило настроение начальника. Он

присел, полез в карман, но вопросительно поглядел на начальника.

— Вы ведь курите, дарга?

— Закуривай! — махнул рукой Монгуш.

Наступила пауза.

— Так вот, дарга, щербинка у него на копыте, — в перерыве между затыжками сказал, наконец, Степан.

— Ты про что это, дедушка? — вздрогнул Мышкыр-оол, который думал о своем и почти забыл о присутствии старика.

— Я говорю, след этого старого оленя ни с каким другим не спутаешь...

Упоминание об олене вывело директора из задумчивости.

— Я как раз об оленях и думал, Степан. Из милиции никаких новых сведений не поступало! Но ведь ты недаром заговорил о старом олене, — улыбнулся директор, — выкладывай-ка все начистоту, дядя Степан!

— Вот я и говорю! Этот олень-то, с приметным копытом, вожакom раньше был. Но потом устарел маленько, и как бы это по-нашему, по человечьи, на пенсию ушел. А его место молодой, неопытный занял...

— Так, так, — слегка покраснел директор, — Ты на что это намекаешь, дедушка Степан?

— Нет-нет, дарга, совсем ни на что не намекаю, не принимайте на свой счет, не обижайтесь. Я ведь об оленях.

— Рассказ твой длинный и не совсем понятный, Степан. Сейчас не до сказок.

— Да сказка-то может с правдивым концом оказаться. Ведь олень-то этот вернулся!

— Что? Что ты сказал? Вернулся? Но откуда вернулся?

— Да ведь он раньше тех оленей водил, что сейчас потерялись. А сейчас вожак у них другой, а этот старый олень не у дел, отдыхает, но вот, по-видимому, захотелось ему дома побывать...

Мышкыр-оол уже набирал номер районной милиции. Прибывшему дежурному сотруднику Степан Чолдак-оол рассказал, как он выследил старого вожака, имевшего

щербинку на копыте.

Как заставить бывшего вожака привести на след исчезнувшего стада? Мышкыр-оолу было известно об инстинкте стадности оленей. Он предложил подержать старого оленя в изоляции. Через некоторое время директору доложили, что бывший вожак заскучал. Решено было предоставить оленю свободу, но неполную — только свободу выбора направления. Его связали с двумя другими оленями, а группа поиска, состоящая из охотников промхоза и представителя милиции, пошла на розыски. Сперва бывший вожак шел неохотно, упрямылся, но оленщикам охотникам был известен его строптивый характер. Наконец, словно поняв, чего от него хотят, старик-олень стойко потянул в одном направлении. Перешли два небольших перевала и поисковики переглянулись — они вдруг поняли, что очутились в угодьях соседнего с ними колхоза. Решили навестить директора хозяйства и сориентоваться на месте.

Постучались в дверь добротного дома, занятого административной. Вошли, а навстречу по зеленой ковровой дорожке шел, широко улыбаясь, коренастый, рыжеволосый тувинец.

— Никак, соседи пожаловали? — он улыбнулся еще шире, но опытный наблюдатель бы заметил, что улыбка его неискренняя, какая-то слащаво-подмороженная. Беспокойные глазки-буравчики сверлили лица пришедших. Кто в районе не знал Бартана Юрия Шойдаковича! Слыл опытным руководителем, но был при этом, как говорится, человеком с «душком». Сутяжничество и стяжательство были его стихией. Рыба, как известно, гниет с головы — не брезговали и его колхозники при случае обобрать чужую ловушку, закинуть сеть в озеро, приписанное к угодьям соседей. С плохо сдерживаемым гневом смотрел Мышкыр-оол Монгуш на ужимки Бартана, про себя сравнивая его с вороватым таежным хорём-колонком. Но преступление еще следовало доказать... Однако этим займутся следственные органы.

Ближе к Ак-Дашу тайга матерееет, каменными кабарожинами выпячиваются хребтины водоразделов. Из глубоких низин выпиливается мрачноватая щетина ельников,

и если прислушаться, то можно услышать, как недовольно бормочет ручей, обмывающий глинистые десны-расселины с искрошенными временем зубцами белокварцевых сланцев. Ближе к крупнолесью по песчаной закраине тянется узорная строчка следов петуха глухаря. Ведут они к поваленной гниющей ели. Мошник — бородач ищет камешки у вывороченных корней. Жарко вспыхивают прожилки и точки в сахарной белизне кварца. В недоумении застынет охотник, распотрошивший добытую птицу — загадочно замерцают перед его глазами жирные проблески золота. Перелески и поляны, затянутые дурманящим маревом, слезливые выпоты болот, ледяная влага цедится сквозь ковры зеленомошников — поди, сыщи, где скупая старуха тайга скрюченными пальцами выворотней указала на сокровище.

Охотник промхоза Василий Кунга в среду выехал на покос. После уборки сена переночевав около костра, он подумал, что неплохо бы побывать на своем охотничьем участке, обкосить траву, ведущую к зимовью, и подрубить подростные кусты.

Медленно ехал он по вьючной тропе, держа наготове топорик, обрубая то здесь, то там нависшие над тропой ветви. Вот и знакомый солнцепек — за ним в пади стоит небольшое, но уютное жильё промысловика-таежника. Неожиданно конь насторожил уши и всхрапнул. «Уж не медведь ли?» — мелькнула мысль и Василий передернул затвор карабина. Конь, однако, не остановился. «Может, волчий след пересек тропу?» — подумал Кунга и начал зорче всматриваться в таежный подрост. Но вот и избушка! Но что-то не так, вроде бы... Да, вот, рама окна наполовину вывернута! Зверь орудовал? Но нет, похоже, скорее кто-то зацепил оконную раму топором! Но зачем? Ведь на двери нет замка, правда, дверь закрывается плотно. А теперь и она только притворена! Значит, чужак побывал! С нехорошим предчувствием вошел Василий в свое, годами обустроенное, пристанище.

И точно, побывал чужак, к тому же вор... Пропало многое: инструмент, сухари, оставшиеся еще с того сезона,

теплая одежда, спички. Хорошо еще, что не было в избушке патронов. По требованию директора боеприпасы в «неохотничье» время сдавались и хранились в промхозе. Кунга вышел из избушки, около ручья обнаружил следы грубой обуви большого размера — скорее всего, стоптанные кирзовые сапоги. Воров было двое. Кунга пошел по следам. Видно было, что воры избегали лишнего шума, тщательно обходили заросли голубичника, рододендрона и завалы хвороста-сушняка. Вдруг пара воронов неохотно взлетела с земли. Трава и мох оказались покрытыми засохшей кровью. Под ветвями низко растущей ели Василий обнаружил голову и копыта маралухи. В гневе он сжал шейку приклада карабина: «Попались бы мне они...» Но следы уводили в сторону перевала. Кунга выпрямился и всмотрелся — вдали маячили скалы Ак-Даша.

На сообщение об ограблении промысловой избушки, по таежным меркам дело серьезное, обязан был отреагировать местный участковый милиционер Валерий Дмитриевич Иванцов. В четверг вместе с группой помощников из числа охотников они выехали в Ак-Даш, на преследование чужаков.

Тропа становилась все более нехоженной. Вот ветерок принес запах дыма... Наконец, сквозь деревья мелькнул силуэт избушки. Все переглянулись, невольно подтянулись. Не доходя до избушки метров пятьдесят, остановились. Участковый окликнул: «Есть кто-нибудь?» Дверь отпахнулась, и вышел сутуловатый молодой мужчина в зеленом свитере. Он как-то безразлично глянул на пришедших глубоко посаженными глазами. Его щек давно не касалась бритва, однако узкая каштановая борода и светлые волосы на голове были ровно расчесаны.

— Чего надо? — глуховатым голосом спросил он, не выказывая ни приветливости, ни враждебности.

— Поговорить кой о чем, — приветливо улыбнулся Иванцов. — Не пригласишь присесть? — указал он глазами на импровизированные стулья в виде чурбанов с прибитыми дощатыми сиденьями. — И представьтесь, пожалуйста.

— Чего, чего? — переспросил таежник, — Ах да, зовут

меня Анатолием. И отчего же не побазарить? — вяло улыбнулся он и первый сел на один из «стульев» — Так о чем же речь?

— Коля, — неожиданно обратился он к кому-то за спинами приехавших. — Дай-ка закурить.

Они обернулись и с удивлением увидели худощавого парня монголоидной внешности. Он подошел со стороны воды и, очевидно, ее шум заглушил его шаги. В руках его не было удочки, но Иванцову показалось, что под застегнутой курткой висел бинокль.

— Речь пойдет о краже, — сдвинул брови молодой участковый и вытащил из планшета блокнот. Он перечислил украденное из избушки Василия Кунга и глянул на Василия, который кивком подтвердил подлинность списка похищенных вещей.

— Ну и при чем же здесь мы? — с веселым удивлением спросил Анатолий и поглядел на товарища. Коля переступил с ноги на ногу и неопределенно хмыкнул.

— Извините, но у нас ордер райпрокурора на осмотр вашей избушки и, пожалуйста, представьтесь по полной — фамилия, имя, место работы, место проживания? Имеете с собой оружие?

— Оружие, боже мой, — быстро отозвался Анатолий. — А фамилия моя — Петровский, отчество Николаевич, а проживаем мы оба в городе Туране.

— А я Тулуш Николай Мергенович

— Коля, а ты захватил собой документы? — обратился Петровский к товарищу. — Я свои дома оставил, подумал, кому их в тайге показывать, медведю, что ли? А почему именно на нас пало подозрение? — вздернул Анатолий лохматящиеся брови. И поглядел на Николая. Тот хлопнул по карманам и направился в жилье за спичками.

— Одну минуту! — встал милиционер. — Разрешите, согласно ордеру, осмотреть зимовье!

— Да осмотрите! — поднял худые плечи Николай и жестом пригласил участкового в избушку.

Однако внутренний осмотр жилья ничего не дал. Не было обнаружено ничего из украденного у Кунга. Предста-

вителям власти осталось только принести извинения. Однако...

— А вот это... что? — участковый поднял клок паленой шерсти около наружного кострища.

— Это, а что это? — прищурил глаза Анатолий.

— Плохо видите? Шерсть копытного зверя! — уверенно сказал Иванцов. — И попала она в костер недавно, очевидно, вместе со шкурой!

Милиционеру почудилось, что в глазах Анатолия мелькнул тревожный огонек, однако Петровский тут же расплылся в широкой улыбке.

— А ведь точно, гражд... товарищ участковый! Ай да глаз у вас — прямо алмаз! Нашли мы тут неподалеку, когда дровишки собирали, шкуру какого-то зверя. И подумали, вот пригодится для дыمارя, то есть для костра-дымника, чтобы дымом от таежного гнуса-мошки защищаться. Вот так вот. А вы что подумали?

— Да нет, ничего. А шкура-то свежая была?

— Да не-ет. Ну не сказать, чтобы очень.

— А сами-то никого в тайге постороннего не встречали?

— Как, Коля, не приходилось ведь нам? Или ты, может, кого видел?

— Нет, нет. Людей не видел. Другой раз вот где-то что-то треснет, хрустнет, но пойдя разбери, кто это, зверь или человек? А может, просто гнилая ветка сломалась, гнила, гнила, да и отгнила. Но если увидим кого, дадим и вам знать, конечно.

В конюховской чисто и светло, залетевший шмель бьется в желтоватое стекло. На стене развешана сбруя, в углу сложены хомуты. Сильно и приятно пахнет кожей и немного варом. На скамье сидит бородач в синей косоворотке и неспешными движениями тачает шлею. Внешне он похож на старовера: густая борода, на ногах самодельные кожаные сапоги — ичиги. Но самокрутка в углу рта выдает, что этот человек «мирской», — так говорят старообрядцы о человеке, который не придерживается канонов старой веры — ведь староверы не курят табак. Так оно и есть, Федор Манихеевич Загорский, или по-уличному

Михеевич, не соблюдает староверских обычаев. Мало кто знает, что настоящее его имя Филарет Манихеевич, а отошел он от обычаев старой веры еще в молодости, когда познакомился со старателями и увлекся их азартным промыслом. Нет, он не перестал верить в бога, но его многочисленные родственники из староверской общины перестали его признавать своим. Пролетела лихая старательская молодость, и под старость Михеевич увидел, что он потерял на промысле годы, но отнюдь не стяжал золотого достатка. Но похоже, это не очень его огорчало, хотя порой воспоминания вызывали грустную улыбку на его лице. Михеевич слыл знатоком тоджинской тайги, где на соблазн людям выходят на поверхность признаки месторождений золота. Разбиваются в паводок обрывистые берега, и перебуторенная смесь гравия, глины и песка несетя взбаломошной водой, пока не осядет вдоль русла обогащенным песком золотых крупинок.

Вот и сейчас старый шорник неторопливо рассказывал о своих старательских мытарствах где-то на Ак-Даше.

— Но Ак-Даш, Ак-Даш — когда и в связи с чем я слышал упоминание об этом местечке? — напрягал свою память Мышкыр-оол и вдруг вспомнил, что именно это место упоминали охотник промхоза Оюн и участковый Иванцов, когда сообщали о появлении чужих людей. Валерий еще ездил туда с проверкой по подозрению в краже. Мышкыр-оол терпеливо дождался конца рассказа и попросил Михеевича после обеда зайти в контору.

— Слушай, Филарет Манихеевич, ты давеча упомянул о местечке Ак-Даш. Скажи, чем оно примечательно?

— Да так, — несколько смутился старик — Местечко как местечко. Вообще-то Ак-Даш — это ключ.

— А что там особенного? Может, травы какие целебные растут? Объявились в Ак-Даше чужаки, и мы не можем понять, чего им нужно.

Старик нахмурился и задумался. Видно было, что в нем боролись противоречивые чувства.

— Вот оно что... — пробормотал он наконец. — Место это непростое, однако, дарга. Но не совсем, по промысловой части. То есть по промысловой, но не по охотпрому, сбору

травы или рыбалке. Оно... там признаки оказывает.

— Оно — это что?

— Ну, можно сказать — золото.

Мышкыр-оол Ашакович удивленно посмотрел на старика, а про себя воскликнул: «Вот оно что, теперь многое понятно в поведении чужаков — их странная нелюдимость и скрытность. Но ведь добыча золота без лицензии — серьезное нарушение закона. Придется сообщать представителям исполнительной власти».

На следующий день, не успев Мышкыр-оол развернуть папку и заняться повседневными делами, как застучали торопливые шаги. Участковый Валерий Иванцов торопливо поздоровался и полез в планшет. По его лицу Монгуш понял, что он чем-то встревожен.

— Получен запрос по летней еще ориентировке, — выпалил Валерий, доставая телефонограмму. Из Краслага тогда бежала группа заключенных в составе пяти человек. Они не всегда держатся вместе, скорее наоборот. Но все они опасны и могут быть вооружены!

— Ты подозреваешь, что те двое, на Ак-Даше...

— Не исключено, Мышкыр-оол Ашакович. В ориентировке они все описаны, но подчеркивается, что некоторые из них особых примет на имеют. Во всяком случае, я обязан еще раз проверить.

— Но среди перечисленных нет фамилий, которыми назвались те, что на Ак-Даше.

— Да, не было. Но они же были без документов. Это ведь еще не криминал, а подозрения в краже не оправдались.

Ранним утром в понедельник в конторе собралась группа, состоящая из участкового Иванцова, директора Монгуша, охотника Кунга и его двух родственников. Так же решено было взять с собой Загорского, как знатока Ак-Даша. После недолгого совещания группа отправилась в путь. Ехавший впереди участковый торопился: ведь проверка это его служебный долг. К полудню они проехали большую часть пути. И вот уже скалы Ак-Даша наполовину закрыли небо. Группа выехала на елань, за которой в пади

шумела вода ключа. Вдруг конь под Иванцовым как бы споткнулся и повалился набок, одновременно стукнул выстрел. Валерий едва успел выдернуть ногу из стремени, выхватил пистолет и отпрянул за дерево. Раздался еще выстрел, пуля зацелкала по вершинам деревьев. Это было предупреждение. Всадники схватились за оружие, потом спешили. Нужно было отводить лошадей под прикрытие. Держа оружие наготове, укрылись за деревьями. Прошло несколько томительных минут. Участковый поднялся, держа пистолет на прицеле, короткими перебежками, от дерева к дереву, бросился вперед. Остальные последовали его примеру. Вот уже достигли тех приметных деревьев, откуда раздались выстрелы... Вот еще теплая, пахнущая порохом гильза! Но где же стрелявшие? Ни одного звука не доносилось из чащи. Монгуш знал, что треск сломанной ветки можно услышать метров за восемьдесят, шаги метров с сорока... Не устроили ли вооруженные браконьеры засаду? В том, что проживавшие в избушке в Ак-Даше были людьми нечестными, теперь не подлежало сомнениям — с чего бы им бежать от представителей власти, отстреливаясь? Однако сознание того, что эти люди опасны, заставляло рисковать собой. И группа устремилась вперед. Но беспристрастная тайга одинаково хоронит следы и хороших, и плохих людей. Вскоре преследователи поняли, что сбились со следа. Решено было устроить короткий привал и обдумать положение. Один Филарет Манихеевич был спокоен. Когда обратились к нему, он ответил: «С нашей стороны войти в падь можно по разному, но выход впереди только один. Вот только на выходе надо наперед их оказаться. Есть тут одна промоина в скалах, что позволит нам напересек этим варнакам выйти, однако лошадей бросить придется». Вскоре, оставив лошадей на попечение одного из родственников Василия, пятеро преследователей протискивались и карабкались по узкой каменной щели, боясь глянуть вниз. Вот и вершина перевала. Спуск был не намного легче подъема. Однако преследователей тревожило лишь одно — успели ли они перекрыть путь бандитам. Вот и тропа, ведущая из пади, однако по ней, по общему заключению, никто не проходил. Взгляды всех обратились

к Филарету, и он уверенно махнул рукой: «За мной». Отряд быстро следовал по едва заметной тропе. Наконец Загорский остановился, быстро осмотрелся, повернул залитое потом лицо и едва слышно выдохнул: «Здесь!» Затем указал направление, откуда, скорее всего, должны были появиться преследуемые. Решено было пропустить их и, внезапно окружив, задержать. Теперь нужно было найти удобное место для засады. Быстро заняли позиции, удобные и скрытые. Мышкыр-оол присел за ствол огромной ели, перед ним развесил листья негустой куст смородины. Томительно потянулось время. Уже зарождалось сомнение — а вдруг они уже проскочили? Невольно поглядывали на то место, где затаился Михеевич. Вдруг... раздался легкий треск, потом шарканье ног: кто-то осторожно, но торопливо шел по заросшей тропе, временами переходя на рысцу. Под деревьями мелькнул силуэт, потом другой. Вот они вышли на открытое место... В руках их было оружие. Лица искажали страх и злобная решимость. Они, непрерывно оглядываясь и озираясь по сторонам, почти бегом проскочили поляну. Как только они вступили по навес густых елей, Монгуш и участковый выступили из-за дерева и почти одновременно негромко, но решительно скомандовали: «Оружие на землю! Руки!»

Тяжело дыша, оглянувшись по сторонам, преступники увидели себя окруженными со всех сторон. Побросав оружие в траву (карабин и дробовик), они медленно подняли руки. Участковый вынул наручники. Задержанными оказались гражданин Красноярского края Аленкин Николай Петрович и уроженец Пий-Хемского района Тувы Маады Когол Андреевич. Познакомились они в местах заключения, где каждый отбывал свой очередной срок. Подстрекаемые рассказами о вольной жизни в тайге, они решились на побег с группой рецидивистов. Но не богатство тождинской фауны или флоры манили на сей раз лесных бродяг. Недаром в рюкзаке одного из них, вместе с украденными в избушке Кунга инструментами, болталось грубо вытесанное из кедрового обрубка корытце — старательский лоток. Хорошо знающий старательское дело добытчик может намыть достаточное количество золотого

песка, но что дальше? Но этот вопрос не стоял перед любителями легкой наживы... В зоне они познакомились с выходцами из Средней Азии, которым были известны темные дорожки сбытчиков драгоценного металла вплоть до зарубежных клиентов из Турции и Афганистана.

За поимку опасных рецидивистов всем участникам задержания была объявлена благодарность от Министерства внутренних дел. Молодой, но быстро растущий руководитель Мышкыр-оол Монгуш вновь вплотную занялся делами своего хозяйства — государство требовало выполнения планов, и спрос с руководителей был строгий. Кажется, канули в лету времена охотоведческих теорий ученых-идеалистов Тимофеева, Скалона, Зворыкина, Бутурина, которые учили жить в гармонических отношениях с окружающей природой. Мышкыр-оол Монгуш как руководитель охотхозяйства прилагал все усилия, чтобы выполнить план по заготовке всех видов охотпродукции.

А жизнь в промысловом хозяйстве шла своим чередом, трудно порой было удержать хозяйство на уровне рентабельности, и явная прибыль иногда соседствовала с беспечным разбазариванием, а то и с откровенным браконьерством или даже воровством.

Промысловик промхоза Сегбе Кужугет решил проверить путь — охотничью тропу с расставленными самоловами. Тишина раннего утра нарушалась только треньканьем синиц в заснеженных лиственницах. Вдруг что-то заставило насторожиться охотника. Сегбе глянул — по косогору как будто метнулась серая тень и ушла под навесы еловых лап, с которых свисали серо-зеленые бороны мха. Может, это рысь? Он сдернул с плеча малокалиберный карабин. Но в чаще ни движения, ни звука. Осторожно двинулся вперед, до рези в глазах вглядываясь в перехлест мелкача, что чуть выше по косогору. Лыжа ударилась в ком вывороченного снега. Охотник шумно выдохнул, невесело усмехнулся. След человека пропахал снег. Уже почти не сомневаясь в результате осмотра, Сегбе пошел по следу чужака, но в обратном направлении. Он вскоре привел к его, Сегбе, капканам. Вывороченный снег, спущенный самолет с остатками соболиной шерсти на дугах — все говорило о том,

что вор хищничал на его путике и обокрал самоловы. По окончанию промысла Сегбе сообщил об участившихся случаях обкрадывания его охотничьего участка охотниками соседнего хозяйства. Его поддержали другие охотники — многие из них вспомнили случаи обкрадывания ловушек или вторжения чужаков на свой охотничий участок. Необходимо было принимать меры. Мышкыр-оол Ашак-ович и главный охотовед хозяйства Мусатов Олег прибыли в райком с жалобой на соседей. Монгуш развернул карту размежеваний хозяйств. Члены райкома согласились с доводами директора и поставили на вид руководителю соседнего хозяйства Ондару Бартану о неблагоприятном поведении членов его коллектива. Неожиданно Бартан заявил, что эти богатые уголья всегда принадлежали им и что его охотники промышляют там по праву. Несколько растерявшись от такого безапелляционного заявления, Монгуш решил идти «выше», то есть жаловаться вышестоящему начальству. К его удивлению, из Министерства сельского хозяйства пришел невнятный, уклончивый ответ. Похоже было на то, что замминистра некомпетентный человек, не представляющий насколько важен для рядового охотника его участок. Тогда настойчивый Мышкыр-оол вынес вопрос на партсобрание. И только тогда были поставлены все точки над «и» и доказана его правота. Но «шила в мешке не утаишь», позже Монгуш узнал, что отписка из министерства диктовалась не столько невежеством руководителей высшего звена, сколько их коррумпированностью. Бочки с ягодой и рыбой, связки соболиных шкур, преподносимых Бартаном вышестоящим даргаларам, делали свое дело. Так же, как этот проходимец, отравляли и разлагали все вокруг.

Мышкыр-оол был готов бороться на вверенном ему участке работы с расхитителями социалистической собственности и делал это успешно, но что он мог предпринять, если след хищника уходил вверх? Однако оставалась вера в здоровые силы общества, которые изживут такие позорные явления, как взяточничество, протекционизм, кумовство.

Вскоре после партконференции Монгуш Мышкыр-оол Ашакович вновь был вызван Кызыл и там в сугубо деловой обстановке был обсужден вопрос о слиянии двух тоджинских хозяйств. Мышкыр-оол согласился с доводами вышестоящих партийных товарищей и в своем выступлении заметил, что существование двух близлежащих хозяйств в условиях кочевого оленеводства и интенсивного пушного промысла приводит порой к издержкам и недоразумениям.

— Вот вы и займитесь объединением с тем, чтобы затем возглавить укрепленное хозяйство, — услышал он от заместителя министра сельского хозяйства Владимира Ефимовича Токарева.

— Я...? Но почему именно я? — растерялся Мышкыр-оол. — То есть, я хотел сказать, что...

— Вы хотите сказать, что опыта у вас маловато, а ответственность несоизмеримо велика? Вы должны понять, что многие когда-то были назначены на большую работу и тоже с чего-то начинали и, кроме того, не к лицу вам уходить от ответственности.

С немалым удовлетворением Монгуш узнал, что руководитель соседнего хозяйства «Заря» Юрий Шойдакович Бартан смещен, наконец, со своего «кормного» места. Так молодой Монгуш Мышкыр-оол Ашакович стал руководителем крупного таежного совхоза «Тора-Хем». Вчерашние соперники по охотпромыслу, работники двух хозяйств больше не вступали между собой в спор из-за традиционных мест охоты, а трудились сообща. Вскоре объединенное хозяйство стало миллионером. Достаточно сказать, что одних только оленей в совхозе стало двенадцать тысяч голов.

Богатели охотничьи хозяйства. На вооружение охотников поступали новые образцы оружия и техники, промысловые ружья «Олень» и «Белка», малокалиберные карабины серии «Тоз». На многих моделях устанавливались оптические прицелы, которые облегчали охоту в тайге. Крупнокалиберные карабины «Лось», «Медведь» позволяли чисто бить крупного зверя, без боязни выходить на «хозяина тайги» — медведя. Легкие и грузоподъемные лодки серии «Казанка», оснащенные мощными моторами

«Вихрь» и «Нептун», намного облегчали рыболовный промысел. Снегопады «Буран» и вездеходы «УАЗ» доставляли промысловиков на самые отдаленные участки охотугодий. Появилась возможность арендовать авиацию.

Снежные трассы снегоходов прорезали увалы и косогоры. Солнце играет на белых пуховых шапках сосен, и они искрятся алмазной пылью. Под навесом ветвей — синебархатные тени. Четким частоколом ели обозначили русло ключа. Чуть слышно сонное бормотание воды. На изломе каменистого ложа пресек мороз течение, и негодующая вода широко разлилась по низам, подтопив сугробы. Но прихватил мороз водицу перед рассветом и вывел на блестящих зеркалах льда серебряные парчовые узоры. На рассвете в чаще тени — вперехлест. Перепархивают над ключом рябчики. Зайца волнует запах свежей воды, обмывшей под снегом сухотравье. За фигурными прыжками зайца пристально следит из-под навившей еловой лапы серопятнистая золотоглазая рысь. Возмущенно зацокает голубая белка и, как на крыльях, взлетит под самую вершину лиственницы. Соболь держится ближе к таежной крепи, где меньше заметна его темная, с мглистым отливом шубка. Лисица зорями мышкует по полями — словно огонек свечи, мечется над голубоснежным покрывалом. Грузная выдра, юркая норка держатся около глубоких омутов, где родниковая вода проедает по берегам лед. Хищный волк отряхивает свою желто-серую шубу от куты и остро всматривается в мелкач, где бродит, скусывая ветки рябины и талины, грозный лось — одинец. Волнуют охотников голубые тени следов, и не жалеют они себя на промысле. Накапливается в избушках драгоценная пушнина.

Незаметно подошла к концу зима. И вдруг тревожный сигнал — в угодьях появилась волчья стая. По ночам тревожно лаяли собаки, боязливо всхрапывали лошади.

Вертолет резко изменил направление, и его синяя тень метнулась по желтоватому мартовскому снегу. Кружевные строчки следов прошили его в разных направлениях. Богата тайга... Весенний учет показывает, что копытные в этом

урочище пережили многоснежную зиму более или менее благополучно. Но что это за ныряющие следы? Монгуш приник к стеклу. Так и есть — следы волков. Охотовед нанес на карту места обитания серых хищников. Многолетний опыт предков, помноженный на знание местности, подсказывал: не нужно торопиться. Что за волки, где их коренное место обитания? Они ведь зимой мигрируют в поисках добычи. И вот наконец опрос местного населения и сопоставление данных авиаразведки выявили, что инстинкт хищников привел волков в это урочище, где много марала, косули, кабана. Ранние оттепели сулят легкую охоту серым браконьерам — снег покрыт стекловидной коркой, весенним настом, и много копытных зверей найдут гибель от их зубов. Мышкыр-оол уже обдумывал тактику облавы — куда бросятся волки в случае преследования? Скорее всего, через вон тот отлогий перевал. И у него созрел план.

На следующей неделе охотники на снегоходах «Буран» были готовы. Утро забрезжило над скалистыми отрогами. Раздался гнусавый вой — это хищники возвратились после удачной охоты. Накануне они настигли и растерзали оленью самку, маралуху. Заурчали моторы, и в облаках снежной пыли охотники на снегоходах с трех направлений наехали на место дневки волков. Звери закружились по редколесью, однако везде их встречали багровые вспышки и оглушал грохот выстрелов, помноженный скалами. Вот уже три серых разбойника навсегда прервали свой бег. Опытный вожак увидел лазейку — он пошел на махах к густо заросшему устью ключа, за которым — отлогость. Но вертолет, как огромная металлическая стрекоза, закружил над перевалом. С его борта замигали огоньки выстрелов и то один, то другой волк прерывали свой размашистый бег и катились по сыроватому снегу. Спаслись только два-три переярка, по щенячьей еще привычке затаившиеся в кустах. В ближайшие годы не будет от них большого вреда, напротив, как учит биология, даже некоторая польза — станут они санитарями леса.

Весна брала свое. Новое время года принесло свои заботы. Нужно готовиться к заготовке леса. Определить участки со спелой древесиной. Пролегли сквозь чашу тропы, кое где они сливаются в дороги. И идут по ним люди. У каждого свое дело. Один идет к таежному поселку, где живут его близкие, другой уходит через перевал дальше. Голубеет небо, шумят вековые деревья. О чем повествуют они? Прислушавшись, каждый услышит свое. А дни бегут, сливаются в месяцы, годы. Дела человеческие сливаются в судьбы. И прошлое порой воскресает перед мысленным взором, и воспоминания эти кажутся ярче сегодняшних впечатлений.

Убаюкивал ровный гул турбин. Далеко внизу, то просматривалась, то затягивалась облаками земля. Горы сменялись степями, едва видимые деревни — обширными квадратами городов. Самолет от хвостового отсека до кабины пилотов загружен упакованной в тюки пушшиной. В салоне было тепло, и коренастый пожилой мужчина снял шапку, расстегнул пальто. В стекле иллюминатора отразилось его лицо — живые темные глаза, но лоб изборозжен морщинами, и иней седины густо осел на висках. Мышкыроол Монгуш грустно улыбнулся — скоро на пенсию. Лучшие годы прошли как-то незаметно, и следа их как будто не видно. Хотя жизнь свою он посвятил раз и навсегда избранной профессии, но многие годы отданы службе на государственных постах. Вот, вырастил с женой Каридой Монгушевной двух сыновей. Они не унаследовали профессию отца, но так ли это важно? Бывает больно иногда за своих коллег охотников и охотников. Разве мало продано за валюту пушнины на международных аукционах? А перелистайте любой календарь — и не найдете праздника добытчиков мягкого золота. Тяжел труд охотника. А приходит старость, и получает он скудную пенсию, будто и не мерз месяцами на морозе, не питался заваренными в кипятке сухарями с тощим приварком. Но охотники — народ скромный. Они как будто немножко «не от мира сего»...

САМДАР

(отрывок из повести)

— Что за жизнь к нам пришла, сват? Сперва заставили юрты разбирать, да сжигать, убеждая, что такое жилище — пережиток прошлого. Потом стали объединять в колхозы, и согнали туда весь скот. Когда в долинах начали строить деревянные дома, по берегам таежных речек Ак и Алаш не осталось ни одной юрты. Я иногда заглядываю к детям в село, мы ведь в избах ни в жизнь не жили: сядешь на полено, называемое стулом, и чувствуешь себя, как сорока на столбе, опустишься на ширтек¹, разостланный на деревянном полу — все равно что на гужевом седле сидишь; как начнут варить чай на красных глиняных камнях вместо железной печи, так полдня ждешь, когда он сварится...

— Так это жизнь к лучшему идет, времена-то меняются, а ты все недоволен! — мягко, с оттенком иронии, перебила хозяйка гулко отдававшиеся слова мужа. Она клал щипцами сухой коровий навоз под котел с молоком на железной печи. Еще не зажгли лучину, и взгляды мужчин-собеседников устремились на посудный шкаф, да на решетки юрты, куда из открытой дверцы печи устремился отблеск огня.

— Да, все к лучшему, Биче. Я не спорю. Но когда мы слепо идем по чьим-то стопам, какие уж тут хорошие времена. Вот смотри, начали мы надевать русскую одежду, а она вся соткана из травы и еще неизвестно из чего. В такой одежде зимним утром, да еще при хиусе, чувствуешь себя голым, потому и дети стали болеть неизвестными болезнями. А в наших штанах из выделанной шкуры, да в овчинной шубе даже под холодным звездным небом от человека только пар идет. Это ладно. А на наших поливных землях всегда хлеб сеяли, травы для скота везде полно, но начали сеять для корма так называемую кукурузу —

¹ширтек (тувинск.) стеганный ковер из кошмы белого цвета.

тальник не тальник, караганник не караганник, и ею так засеяли все, что почти не осталось пастбищ...

— Да где там пастбища, кругом все перепахано, осталась нетронутой плугом, можно сказать, полоска размером с собачий язык, — улучив момент, вступил в разговор сват, сидящий на месте гостя, слева от двери. В темноте черты его лица были едва различимы, начал он говорит тихо, словно боясь разбудить спящих детей, но с каждым сказанным словом голос крепчал.

— В Барлыкской степи если что и растет, так одна кукуруза. Густо посеяно, словно тальники на пойме Хемчика, да как высоко вымахала, что всадника среди кукурузы не увидишь, сват. Стебли толстые, с запястье. Как можно кормить этим наш скот, привыкший к местным горным травам? Как после этого ему одолеть длинную, холодную зиму? А то, что от кукурузы будет больше мяса, молока и шерсти, я думаю, сват, это одна болтовня. Как нам говорят, пролетела ворона за гусем, да лапки отморозила, как бы нам самим в дураках не остаться.

— Русские ведь слабаки в скотоводстве, сват, Хрущев-дарга² сам это сказал. По его разумению, самый плодovitый наш скот, козы — «уличные хулиганы», а многовековая опора тувинца, лошади, — стали самым ходким мясом для колбасы. Вы же знаете, сват, продажная стоимость лошади — сорок рублей, а налог на ее содержание — четырехста. Где выход? Только на бойню, на колбасу. Везде-то разговору, что Хрущев-дарга намерен догнать и перегнать Америку по производству мяса. Лошадей табунами сгоняют в Абакан, там ведь мясокомбинат. В нашем районе не осталось людей со скотом, десятка два баранов — это что за скот? Последним был я. Недавно силком заставили согнать более тыщи голов на бойню, не знаю, помогут, не помогут они большому дарга догнать Америку! — произнес хозяин прежним шутливым тоном, блеснув белками глаз в темноте. В это время в котле закипело молоко, которое несколько раз вспенивала хозяйка. Муж легко вскочил с

² дарга — (тувинск.) начальник, представитель власти.

насиженного места, взял ухват и поднял алюминиевый котел с круглой железной печи, а из проема выглянуло задыхавшееся пламя и ярко осветило лица двух мужчин и женщины, высказавших самые наболевшие мысли многих. У наклонившейся вниз хозяйки было красное, словно сожженное от постоянной близости к огню, полное лицо с открытым взглядом, свидетельствующим о ее отзывчивости. Она была в том возрасте, когда старшие дети только начинают супружескую жизнь. Хозяин юрты, выпрямившийся у посудного шкафа, был человеком, у которого на языке висели, как нагулявшиеся за лето одичавшие лошади, безудержные мысли, при свете огня бронзовое от загара лицо его говорило, что он решителен и слов на ветер никогда не бросает. А у гостя, сидевшего по ту сторону печки, пламя высветило на желтоватом лице бегающие, как месячные жеребята, зрачки глаз, что говорило о его беспокойном характере. Хозяева юрты подкинули в печку дров из тальника, чтобы было светлее, и заняли свои места. Обычно это были последние действия перед сном. Но прерванный разговор снова разгорелся, как огонь в железной печи.

— Таким, как мы, жить становится все трудней. Мы, можно сказать, старые лоскутки кожи, выброшенные, как мусор. Мы ведь люди не этого развитого времени, мы из предыдущего поколения: не умеем дергать рычаги тракторов, машин, не умеем подписывать важные бумаги и руководить. Что мы можем? Только ходить за скотом. Пока живой, только и надеешься, что завтра все будет хорошо. Если б заранее знал, что наши даргалары возненавидят скот, нашу опору. В молодости, когда еще не было детей и я не был повязан судьбой с этой женщиной, снял бы ремень со штанов и перекинул его через крепкий сук, — слышался чеканный голос хозяина.

— Ну, опять что попало говорит! — мягко пожурила хозяйка, прекрасно знавшая нрав мужа.

— Да, сват, хорошо мы жили. Я тогда повзрослел, мог уже пасти лошадей в ночную. Юрты стояли холм за холмом. Скот пасся вместе с косулями, с козерогами. Когда

дети-пастухи, заигравшись, смешивали отары, никто шума не поднимал — каждый находил свой скот. Ни одна бесхозная животина не пропадала — весть о ней моментально разносилась вокруг, — сказал, глубоко вздохнув, мужчина за железной печкой. — А сейчас что, со скотом свяжешься — опасно. Стращают то милицией, то прокурором. «Требуют выполнять только государственную работу, и со скотом мы, видно, навечно разлучены. В нашем районе только у одних у вас остался личный скот, но мы слышали, что безжалостный закон опустошил и ваш двор. Раз вы переехали в пригород, значит, у вас есть задумка какая-то? — спросил мягким тоном, стараясь успокоить родственника, сват хозяина юрты, давая понять, что может оказать посильную помощь. В его словах чувствовалось явное нетерпение: узнать бы историю грабежа государством многострадального скота.

Хозяин юрты, чтоб облегчить душу, и так намеревался рассказать о непостижимых действиях властей. Он глубоко вздохнул, когда в его ушах послышалось оглушительное мычание и блеяние животных, которых он выращивал всю жизнь:

— А дело было так, сват. Весной мы поставили юрту среди густых зарослей караганника, чуть повыше села. Старшие сыновья поливали землю, а я ходил за скотом. Как-то утром приехал в кабине грузовой автомашины председатель сельсовета Сундуй, этот мужик всегда стращал людей своей партией. Прихрамывая, подошел он ко мне: «Сколько можно тебе напоминать о постановлении партии и правительства, а? Нельзя содержать личный скот, весь скот сдашь государству, как план по заготовке мяса! Притворяешься, что делом занимаешься, ходишь за скотом, прогуливаешься. Занимайся полезным для государства делом, а скот сейчас же сдай! Сколько их держишь? Коз, баранов, телок, жеребят, валухов, козлов...». — «Позавчера, когда я пас овец, вы мне все объяснили, дарга. Скот мой — вот он, сколько вам надо, посчитайте и забирайте», — шутливо изложил рассказчик, высказывая свое отношение к произошедшему, и продолжил:

«Сундуй-дарга с кислым лицом помахал рукой, и из кузова автомашины прыгнули четверо парней-орлов. Как только они со своим хромым дарга начали окружать скот (а он всегда гулял на свободе, без загона — на навозе), животные вскочили и, как одичавшие, разбежались врассыпную. Молодцы — вдогонку, пятки засверкали, но куда им о двух ногах угнаться за четвероногими козами да овцами? Вернулись ни с чем, задыхаясь и кашляя от бега. Меня охватила гордость за разбежавшийся скот, это, видимо, отразилось и на моем лице, потому что Сундуй-дарга, пот которого стекал с лица ручьями, как будто он просунул голову в горячую, без дна, деревянную бочку для перегонки араки, пуще прежнего набросился на меня: «Твою кличку Кожай — Богач — я втопчу в землю, понял? За то, что идешь против идеологии партии, тебя через суд арестую и заключу куда надо. Собирай ораву своих детей и перегоняй весь скот на скотобазу! В следующий раз приеду с милицией!».

Вечером мы с женой советовались. Как быть? Любое живое существо от природы одарено прекрасным свойством размножаться, и нам достаточно двух голов — хотя бы овцы и барана, ведь через некоторое время народятся десятки, сотни, решили мы. Спозаранку, когда сыновья уже встали на ноги, чтоб перегнать скот, и пили утренний чай, подъехала машина. Вредный Сундуй-дарга, видно, всю ночь не спал, слез с машины с двумя «орлами» в погонах — милиционерками. Тяжело волоча хромую ногу, подошел ко мне, хотел было рот открыть, чтобы разораться, но осекся. Весь свой скот я перегнал на скотобазу в три приема, сват. Оставили только рыжего коня, две коровы да немного мелкого рогатого скота. И вот сейчас, чтобы трудиться на государство, свою старую юрту поставил здесь. На стройке Кара-Даша работы хоть отбавляй. Договорился перевозить строительный материал на телеге, благо имею единственного коня.

— Расскажи, что стало потом с Сундуй-дарга. Как говорят, злой умысел к себе же возвращается. Оршээ-бурган³! — напомнила хозяйка, которая до сих пор не вмешивалась в мужской разговор.

— Да, потом было вот что. Без скота, а то, что нам оставили — не в счет, юрта наша как будто осиротела, и нам казалось, что из нее ушла душа. Как-то утром, когда мы освятили огонь и только сняли с него вскипевший чай, лениво залаяла собака — и через порог переступает Сундуй-дарга! Смотрю на его лицо и осанку — состарился больше, чем даже я: хромую ногу еле переставил через порог, лицо осунулось, настолько исхудал, что мне стало жалко его. В руках у него почему-то был эмалированный бидончик.

Поздоровался он чуть слышно, на нас даже не поднял глаз, сгорбившись, присел на корточки на место гостя и проговорил еле слышно, как будто не проглотил и куска с того самого дня, когда кричал на меня во всю глотку:

— С работы меня сняли. Остался я без красного билета. Сколько принес я вам горя, простите меня! Жена моя не может пить чай без молока, дали бы вы мне немножко. Вместо меня теперь сельсоветом руководит русский парень...

Не ослышался ли я? Но жена заговорила:

— Слышала я, что жена твоя на сносях, ужас какой, как это летом можно пить чай без молока!

Мои глаза убедились, что наш бывший дарга действительно в незавидном положении, и только тогда я поверил его словам.

— Ты ведь так старательно работал. За что они тебя сменили? — я был наслышан о том, что кто имеет красный билет за пазухой, того легче снять с работы, чем кастрировать козленка, поэтому не стал даже выяснять, за какой промах его сняли. — Ну что же, как говорят, мужчина ошибается, а берег обрывается, подвинься повыше, будем свежий чай пить. За молоком приходи к нам каждый день. Если б весь мой скот был в целости, то в нашем молоке восьмилетний малыш бы купался, — сказал я ему, и только тогда наш бывший дарга Сундуй поднял глаза, жалко сияясь улыбнуться.

³Оршээ - (тувинск.) заклинание, сродни «Прости, господи!».

Так-то вот и разлучился я со скотом. Деньги, которые дали взамен, душу мою не обрадовали, сват. Если бы были козлята, ягнята, жеребята, ласкал бы их, привязывал-отвязывал бы, живой скот — это ведь душа человека. Поэтому нам, родившимся на навозе, неважно, что творится на белом свете, нам только скот наш и подавай! Что ж теперь поделаешь, буду работать, как и вы, на государство, на всенародной стройке хоть капельку помощи принесу; может, сердце мое отвлечется и успокоится.

В темноте установилась полная тишина, даже огонь в железной печи перестал шептать — казалось, все эти годы он погружался в глубокую думу, как и хозяева. Когда отблеск света вырвался из отверстия дверцы железной печи, то загадочно напомнил сидящим, что есть сила, которая может противостоять мраку, и тогда хозяин произнес слова четко, как будто падал град:

— Я слышал от матери, что прямо с колыбели решал все сам и всегда поступал по-своему. Мне кажется, что враждовать с этими порядками придется, наверное, всю оставшуюся жизнь.

Перевод Игоря Принцева.

Игорь ПРИНЦЕВ.

СТРАНА ЗАКАТОВ

Итан Колин проснулся на закате. Сонно замычал, закрываясь руками от бьющих прямо в глаза лучей заходящего солнца. Они пробивались сквозь неплотно закрытые жалюзи и ползли по одеялу Итана четырнадцатую оранжевыми полосами.

Ужасно хотелось залезть под одеяло с головой и продолжать спать, а после уйти в ночь. Но пробудившимся уже умом Итан понимал, что это совсем другая страна и здесь совсем другие законы.

Пошарив ладонью по стене, он нащупал сенсор. Жалюзи расколысь, и во все окна хлынуло расплавленное закатное золото, заливая все внутри, отражаясь от стен и пола, сверкая на каждом сантиметре тесного жилища.

Этот момент неизменно и наверняка пробуждал Колина и заставлял подняться навстречу закату. Одаренный и облитый этим золотом, Итан сделал зарядку, сходил в душ и позавтракал.

Солнце уже коснулось краешком самого высокого холма и, кокетливо заглядывая в окна, будто звало: «Догоняй!».

Колин быстро оделся и, накинув капюшон утепленной куртки, настезь распахнул дверь. Тулуза поприветствовала его, глядя по щекам холодным ветром. И от этой ласки Итан порозовел, будто действительно был смущен.

Для человечества Тулуза была далекой, неизведанной и пугающей. Планетой, пригодной для колонизации, но таящей множество опасных сюрпризов. И по иронии судьбы именно Итана Колина, человека, которого колонизация совершенно не волновала, Тулуза каждое утро встречала своими холодными поцелуями.

Возможно, именно потому они так и сроднились, что Колин не думал каждую минуту о том, как использовать и распотрошить свою знакомицу. Невольно он снова залюбовался Тулузой. Ее бескрайним простором, где гуляли одни лишь поземки, ее снежными холмами, окрашенными закатом в рыжий и совсем не холодными на вид.

Но солнце почти уже село, а это означало, что предстоит много работы. Итан спрыгнул в сугроб, наступив на свою длинную, до самого горизонта, тень. Увязая в снегу, обошел свое жилище и взялся за ручку небольшой дверцы в его задней части. Дверца изрядно примерзла, и Колина пришлось повиснуть на ней всем телом, прежде чем лед захрустел, и дверца широко распахнулась.

Внутри покоились два робота. Металлические люди сидели, прижав колени к груди и обняв их длинными руками. И уронив сплющенные блестящие головы сверху.

Как же взбудоражила когда-то фантазию Итана новость о том, что вместе с ним полетят настоящие роботы. Искусственный разум! Он представлял работу бок о бок с почти настоящими людьми, безумно интересными, а в свободные минуты, беседы или споры.

Реальность всегда разнится с мечтами.

— Собрать лагерь! — тяжело вздохнув, громко и

членораздельно приказал Колин.

Машины тут же пришли в движение, заскрипели сочленениями, дернулись, разламывая успевший сковать их лед. Вскоре обе сверкающие золотом фигуры, рассыпая кристаллики льда, обошли Итана и торопливо зашагали по своим делам.

Они не были тупыми. И умными не были. Они вообще не были никакими. Что касалось исследовательского оборудования: как его идеально расположить, подключить и заставить работать, а потом откопать в снегу и собрать — равных им не было. Но к Итану они не относились просто ни как. Вот и сейчас роботы, получив команду, обошли его, будто препятствующую деталь ландшафта.

Так и вышло, что Колин ожидал получить странноватых и забавных помощников, а в итоге самой живой и отзывчивой собеседницей оказалась сама Тулуза.

Их безмолвный диалог продолжался уже давно. Итан не мог сказать, сколько дней, потому что день, а вернее его закат, всегда был один и тот же. Планета вращалась очень-очень медленно, и на ее темной стороне царил такой холод, в котором не уцелеет ни машина, ни человек.

Эта губительная темная сторона превращала жизнь Итана на Тулузе в нескончаемую погоню за закатом. Он останавливался, устанавливал аппаратуру, собирал сколько успевал информации и, лишь солнце касалось горизонта, мчался дальше. А когда солнце снова поднималось высоко и в солнечных батареях кончался заряд, вновь разбивал лагерь.

Вот такими мерами измерялась новая жизнь Итана Колина. Переездами, остановками, новыми переездами.

Ведя рукой по золотистой и гладкой стене своего жилища, Итан стряхивал с нее сверкающие крошки инея. На самом деле стена была белоснежной, но пламенеющий закат раскрасил и ее.

Так он добрался до кабины и вскочил внутрь. Жилище Колина звали Мибр. Мобильная Исследовательская База Рязанова. Услышав это слово впервые, Итан представил себе фантастического зверя, наверняка хищного, верхом

на котором он будет скакать по просторам неизведанных миров, раскрывая их тайны. Но, увидев этот не то фургон, не то вездеход, не то броневик белоснежного цвета с алыми стрелами на боках, ничуть не разочаровался. Характер у Мибра был, и еще какой!

Лишь только роботы подали сигнал, что все готово и убрались в свою конуру, он сложил крылья солнечных батарей, приподнял бронированные молдинги, обнажая пять пар широких колес, и с радостным ревом вырвался из глубокого сугроба на бескрайний снежный простор.

В кабине Мибра было два сиденья, и на втором, заботливо пристегнутый ремнями, стоял сложенный мольберт. Он входил в стандартное снаряжение, хотя и был на земле редкой игрушкой по карману не каждому. Мольберт был не простой, намертво сращенный с холстом, принимал мазки такого цвета, о каком художник думал. И умел помнить все, что на нем когда-либо рисовали.

Итан сначала не понял, зачем нужен мольберт, но со временем, пока роботы делали всю работу, ожидая следующего переезда, постепенно нарисовал и безразличных роботов, и позолоченные холмы, и пару десятков закатов, и Мибра-машину, и Мибра-сказочного зверя, о котором думал сначала, а пока не закончилась стоянка, трудился над новой картиной.

Погоня за закатом обычно продолжалась около двадцати четырех часов, на сколько хватало батарей Мибра. В это время Итан, взяв курс на солнце, размышлял о чем-то своем. Раньше — о Земле. Теперь — все чаще о Тулузе.

О ее загадке, сокрытой под фатой из снега и льда. Ученые говорили, что через много-много лет на Тулузе наступит самое настоящее лето. И что проглянет из-под фаты? Луга, леса и реки? Или голый безжизненный камень? Колину как-то приснилось, что лето все же наступило и он, босой, откинув куртку, сидит у колес Мибра, опутанных высокой травой, и в неярком свете светлячков беседует с загадочной леди. Прохладный ночной ветерок колышет траву, в солнечных батареях отражаются звезды, а они вдвоем сидят и беседуют под теплым боком ручного Мибра.

Это был самый прекрасный и самый реалистичный сон

с самого десантирования. Проснувшись посреди снежной пустыни и увидев сквозь жалюзи солнце, вновь коснувшееся горизонта, Итан застонал от почти физической боли и сжался на смятой простыне.

Пронзив взглядом пустоту, Колин вновь вспомнил это видение. Следить за дорогой не было никакой необходимости. Планета была ровным заледенелым шаром. Не было ни гор, ни глубоких расщелин, ни иных препятствий, которые Мибр не мог бы просто переехать.

Но это совсем не означало, что Тулуза лишена сюрпризов. Эта загадочная леди умела порой жестоко и зло шутить над своими гостями.

Однажды Колин с мольбертом за спиной взобрался на высокий холм, решив порисовать. Но дойдя до вершины, не увидел у подножия Мибра. Машина, дарившая десантнику безопасность и жизнь, исчезла, не оставив после себя даже отпечатков колес. И Колин беспомощно крутился на вершине холма, не в силах найти реакцию, достойную ситуации. Но тут заветная красная стрела возникла там, где, Итан готов был поклясться, секунду назад лежал лишь снег.

Другая шутка Тулузы случилась с ним во время переезда. Тогда, как и сейчас, мощная машина скакала по дюнам, рыча и оставляя за собой шлейф поднятой снежной пыли. И вдруг Колин заметил, что в дороге он не один. Сначала была точка на горизонте, затем она выросла до точно такого же Мибра. Серийный номер на боку повторялся, а увидеть, кто в кабине, мешали затемненные стекла.

Мибр-призрак пронесся мимо в обратную сторону и вскоре исчез в надвигающейся ледяной тьме.

Итан был уверен, что тем самым Тулуза хотела что-то ему сказать, но так и не разгадал послание. Лишь при каждом переезде до боли в глазах вглядывался в горизонт, ожидая нового появления фантома.

Но переезд вновь и вновь заканчивался благополучно, как и в этот раз. Спустя много часов пути на панели управления загорелась красная лампочка, говоря Итану, что заряда осталось всего ничего, и он плавно остановил машину.

Когда роботы стали разгружать и устанавливать приборы, показания с которых десантнику даже не покажут,

Колин прикурил сигарету от раскалившегося двигателя Мибра. Он давно не нуждался в сигаретах, да и негде их было взять среди снегов. Просто протащил во время десантирования одну пачку и таким образом отсчитывал удачные переезды. В пачке осталось всего две сигареты, а это означало, что погоня за закатным солнцем продолжается уже восемнадцать недель.

После очередного переезда Колин почему-то всегда задумывался о смерти, ведь он почти наверняка знал, как умрет. Однажды Мибр подведет его, заглохнет, не заведется, сломается. И останется на месте, на пути у надвигающихся холода и тьмы. И Колин на этот случай уже знал, что станет делать. Возьмет на плечо свой мольберт и пойдет вслед за закатом пешком, пока останутся силы.

И когда-нибудь, спустя много-много сигарет, когда уже наступит виденное лишь во сне лето, его рисунки найдут жители уже колонизированной Тулузы. И тогда... может быть, они им понравятся?

Отшвырнув сигарету, Итан, будто хищный мибр, прыгнул в кабину. Он схватил мольберт и стал вглядываться в свой последний рисунок. Понравится ли?

На рисунке была сиятельная леди Тулуза в платье невесты. Из-под ее сверкающей фаты виднелась только слегка надменная улыбка.

Колину хотелось продолжить рисовать немедленно, но он хорошо понимал, как вымотан дорогой.

Уже в постели, за плотно закрытыми, жалюзи его настигли новые и безумно приятные мысли.

Он, Итан Колин, за эти восемнадцать сигарет перестал быть земным человеком. Его земные волнения и переживания сменились новыми, совсем не понятными для большинства, кто никогда не жил наперегонки с солнцем.

Тулуза — еще не земная колония. Но, благодаря одному десантнику, уже и не терра инкогнита.

В этот краткий промежуток здесь располагается его собственный мир — Страна Закатов Итана Колина. Страна вечного заката, золотых холмов, хищных мибров, безучастных роботов и прекрасной королевы Тулузы.

И он, Итан Колин, единственный гражданин этой страны, знающий, как жить по ее небывалым законам.

С этими мыслями и радостной улыбкой на лице Итан провалился в безмятежный сон. На закате.

ЭУ

Что-то заставило Кима остановиться и оглядеть свое отражение в витрине небольшого магазинчика.

Припорошенные мелким снежком коричневые ботинки. Утепленные джинсы. Простое клетчатое пальто. Портфель в руке. Синий шарф.

И там, выше шарфа, было то, к чему Ким нарочно стал подбираться взглядом с самого асфальта. ЭУ чем-то было похоже на защитные очки, плотно прилегающие к лицу. Только непрозрачные. Дужки ЭУ тянулись к ушам и скрывали их полностью.

Издали ЭУ напоминало лошадиные шоры. Или шлем какого-нибудь солдата будущего из старого фантастического фильма. Ким, наверное, так и выглядел, если бы не надел поверх ЭУ обтрепанную ушанку.

Именно этот странный полуфантастический вид заставлял его иногда останавливаться и разглядывать свое отражение. Красиво ЭУ? Или все-таки чудовищно?

Он двинулся дальше, оглядывая улицу сквозь ЭУ. Центр города. Серые стены домов теряются в вечерней темноте. Машины еле ползут, проталкиваясь в пробке. Люди — все в ЭУ — спешат завершить дела и вернуться домой.

Все это Ким видел и слышал — экранирующее устройство пропускало все необходимое. И с помощью сложной системы отфильтровывало лишнее.

В ухе пискнуло, и сочувственно-механический женский голос сказал:

— Ким Коробов, средства на вашем пользовательском счете исчерпаны. У вас есть пятнадцать минут, чтобы пополнить счет, иначе по условиям договора обслуживание вашего персонального экранирующего устройства будет приостановлено.

Раздраженно хмыкнув, Ким свернул к ближайшему

банкомату и, выстояв небольшую очередь, приложил ребро ладони к отполированной руками пластине, приказав девушке на экране:

— Оплата пользования ЭУ на месяц вперед.

— К сожалению, средства на вашей банковской карте исчерпаны, — с тем же запрограммированным сочувствием ответила машина. — Воспользуйтесь другой картой или внесите наличные средства на счет.

Коробов почти ударил пластинку второй рукой и повторил приказ. Девушка на экране, казалось, стала еще более сочувственной. Хотя для всех отказов был установлен один тон.

— К сожалению, банк Корона сейчас проводит усовершенствование программного обеспечения во всей сети, и перевод средств с данного терминала невозможен. Работы направлены на повышение комфорта клиентов и будут завершены уже завтра.

Ким даже притопнул от досады и быстрым шагом направился по заснеженной улице. О тех, кто оставался в центре без ЭУ, рассказывали страшные истории.

Он метнулся к метро, но там, говорили, еще страшнее. В ухе снова пискнуло. Вкрадчивый и сочувственный женский голос сообщил, что до отключения осталось пять минут.

Голос был стандартный, но ощущение все равно складывалось такое, будто одна и та же машина издевается над попавшим в ее власть человеком.

По телу прошла дрожь — Ким не видел выхода из ситуации и сделал единственное, что мог. Сорвался с места и побежал по улице. Домой! Скорее!

Налетая на прохожих и спотыкаясь, он мчался, словно безумный. Первым в сторону полетел портфель. Затем пальто. Шапка.

Сервисная машина сообщила, что отключит ЭУ через минуту, и Киму показалось, что, отключаясь, она злорадно хихикнула.

Ким задыхался, но продолжал бежать. Пересекая проезжую часть, едва не влетел под машину, но рванул дальше, даже не оглянувшись.

Но все бесполезно. Когда не была пройдена еще и треть

пути до заветной двери... шоры пали.

Спокойный и серый зимний вечер взорвался вихрем красок и звуков. Очки Коробова стали прозрачными, и он увидел стены домов, улепленные светящимися баннерами, плакатами, просто надписями, которые, казалось, держались ни на чем. Тут и там выросли рекламные щиты, которых, Ким готов был поклясться, раньше не было. Даже одежда людей и бока машин были изрисованы светящимися слоганами и логотипами.

И собственная одежда не отличалась чистотой. На одном рукаве реклама сигарет, на другом — шоколада. На груди — новый коммуникатор. Дрожащей рукой Ким оттянул рукав свитера и тут же поспешно вернул на место, увидев еще одну рекламу, вырисованную прямо на коже.

Исследуя этот новый мир без ЭУ, Коробов двинулся дальше к дому. Он крутил головой, раз за разом поражаясь дикости рекламы. Холод без брошенных пальто и шапки уже пробирал до костей, а по проезжей части, прямо сквозь машины, маршировал парад полубнаженных девушек под знаменами сигаретной марки. Фантазия Кима сразу подсказала, что именно один из этих жутковатых призраков издевался над ним по сервисной связи.

На углу к Киму прицепился клоун. Он вопил, кривлялся и предлагал поесть шоколада. Прямо сейчас пойти, купить и поесть. И не быть таким грустным. В конце концов Ким попытался отпихнуть надоедливую шуту, но руки прошли насквозь — клоун был еще одной рекламной машиной.

Но все же ничего страшного не произошло. Он так же шел домой, хоть от изменившегося города и становилось жутко. Шел, пока не наткнулся на стену. Стену, которой раньше не было. А там, где раньше было не пройти, открылась арка. За ней виднелась чередой ярких вывесок. Не имея выбора, Ким свернул с пути.

И чуть не вскрикнул от радости. Возле одного из магазинов он заметил Славку, старого знакомого. Замерзший и напуганный Ким налетел на него как ураган, тараторя:

— Привет, Славка! Слушай, у меня ЭУ отрубили! Выручи до завтра, а? Я домой не могу добраться из-за этой мишуры!

Слава молча выслушал и широко улыбнулся. Ким не

видел его глаз за ЭУ, поэтому улыбка вышла мутная и жутковатая:

— Да без проблем! Эко тебя приплющило. Конечно, выручу. Только... Слушай, ты обязан заглянуть в этот магазинчик! Там бритвы просто офигенные! Я сам только что себе подобрал! И сразу займемся твоей проблемой!

Ким нахмурился. И протянул руку к Славке. Рука прошла насквозь без всякого сопротивления. И, тяжело вздохнув, Ким побрел дальше.

— Эй! — крикнул вслед Славка. — А как же твоя проблема?

Коробову хотелось зацепиться взглядом за что-нибудь простое и знакомое. Но в этом мире такого не было. Даже пробирающий до дрожи холод не доставлял столько беспокойства, сколько это чуждое все.

В робкой надежде Ким поднял глаза к небу. И вместо чернеющих в надвигающейся ночи снежных туч увидел в нем колоссальную рекламу пива.

Чем больше проходило времени, тем больше рекламных шутов висло на Коробове. Клоун с шоколадом, Славка с бритвами, колоритный команданте с кофе, да еще что-то непонятное, торговавшее вроде игрушками.

Ким и рад бы был дать им всем денег, лишь бы они отстали и прекратили галдеть. Выгуливая порождения рекламной индустрии, Коробов окончательно заблудился. От вывесок, шума, света, вспышек и неправильного неба ослепительно разболелась голова.

— Отвалите! Да отвалите же от меня! — возопил Коробов, пытаясь растолкать призраков. — Вы ничего не получите! У меня нет ничего!

Но каждый раз лишь проходил сквозь них. В конце концов, загнанный в угол, Ким закрыл глаза, зажал уши и прижался к стене какого-то магазина, крупно дрожа от холода. Он проклинал себя за то, что не оплатил вовремя проклятущее ЭУ, что не следил за счетом, что, повинуясь порыву, выбросил палец.

И теперь Ким остался с одними лишь своими ладонями. Простейшими ЭУ, которыми можно закрыть глаза, зажать уши.

Сквозь опущенные веки рекламный фейерверк превра-

тился в неразличимое цветное зарево, в зазывные яркие блики.

И на фоне этих бликов появилась женщина. Ким видел ее закрытыми глазами сквозь веки. Она подмигнула и выдохнула:

— Привет, Кимка!

— Ты еще кто! — сквозь зубы проскрипел Коробов.

— Я Мона. Хочу пригласить тебя в гости, — видение хитро улыбнулось.

— Куда это? — не открывая глаз, проскрежетал Ким.

— А ты уже почти на месте. Этот дом, к которому ты жмешься. Внутри находится наш клуб. Там есть я и еще много девушек, которые будут рады с тобой познакомиться. Улавливаешь?

— Идите вы все скопом... — простонал Ким.

— Да ладно тебе, Кимка, — покачала головой Мона. — Я у тебя в голове. Вижу все твои желания.

В этот момент непривычная голова дала сбой. Сердце пропустило удар. В ушах что-то щелкнуло, по губам и подбородку потекло горячее.

Ким выгнулся и, как подкошенный, рухнул в снег, корчась в припадке. Рекламные призраки сразу порскнули в стороны, лишь настырный клоун навис над поверженным потребителем и все предлагал шоколада, который добавит энергии и поможет встать.

— Идите вы все!!! — вопил Коробов, отплевываясь текущей из носа кровью. — Идите к черту!!!

Он схватил клоуна за волосы и стал драть, мотать из стороны в сторону. Все тело крючилось, билось, и хватка была мертвой.

— Аааааай! — услышал он протяжный вой боли. — Отпусти, идиот! Отпусти, говорю!

Коробов уже ничего не видел перед собой, когда чьи-то пальцы сдернули с его лица бесполезное ЭУ и нацепили новое.

Рекламный балаган сразу стих, улица замерла. Те же руки приподняли Кима и усадили на лавку.

Зрение потихоньку возвращалось, кровь из носа перестала идти. Осталась лишь мучительная головная боль. Улица приняла свой привычный вид и стала разом знако-

мой. Рядом сидел невысокий парнишка в яркой куртешке. Его-то и драл за дреды Ким, приняв за клоуна.

— Спасибо,— простонал Коробов. — А ты кто?

— А я Паша. Я добрый. Ношу в сумке второй проплаченный ЭУ для таких придурков, как ты.

— А я... — начал Ким.

— А ты идиот, — весело заявил Паша. — И тебе в больничку надо, я тебе вызову. Бывай.

Он хлопнул измученного Кима по плечу и ушел. Коробов сидел на лавке и вспоминал свое путешествие по миру без шор. Насколько же все там, по ту сторону ЭУ, хотят денег... На что же готовы ради них...

Он обхватил голову ладонями, своими бестолковыми древними ЭУ. Из-под шор текли слезы.

Анна ХАДАХАНЭ

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ (путевые заметки)

О путешествии в Китай мы грезили давно. И вот, наконец, все сошлось — нашлись компаньоны, мечтающие увидеть Поднебесную, а это уже немаловажно, ведь вчетвером мы уже группа, которая может выбрать подходящий именно нам маршрут и сервис по нашим кошелькам. Готовились к поездке основательно — опросили всех знакомых, кто когда-либо бывал в Китае — это помогло определиться с маршрутом и дало представление о ценах, о способах передвижения, о разных мелочах, необходимых туристу в другой стране. Повезло и на работе - нас заблаговременно снабдили денежными средствами на проезд к месту отдыха, а выбран нами был город Владивосток, что удивило многих знакомых коммерсантов — они не понимали, зачем ехать так далеко, когда можно улететь в Пекин из Красноярска. А нам нужен был поезд, и не потому, что мы большие любители наземного транспорта, а по причине разорительной стоимости авиабилетов для наших не очень толстых кошельков, тем более что мы ехали со своими детьми. Итак, маршрут выбран Владивосток — Суйфэньхэ — Муданцзян

- Далянь-Пекин. Заказывая тур, в целях экономии мы отказались от ужинов и экскурсий, надеясь, что самостоятельный просмотр достопримечательностей и питание обойдутся нам дешевле. Как же мы ошибались! Но об этом позже.

Итак, 4 часа утра. Владивосток. Автобус, набитый туристами отправляется к границе РФ. Часа через 3-4, недалеко от границы, в небольшом городке - остановка. Руководители групп рекомендуют всем «плотно сходить в туалет», т.к. при прохождении границы иногда возникают задержки. Но все проходит гладко — несколько спонтанно, с давкой в очереди, на нашем пропускном пункте и очень строго и организовано на китайском. В целях эпидемиологической безопасности на китайской стороне проходим под датчиками, моментально измеряющими температуру тела. Переводим дыхание и погружаемся в автобус, 15 минут езды — и мы в Суйфуньфэ. Выходим из автобуса и погружаемся в шумный поток приграничного — города. Нас моментально окружает толпа разновозрастных женщин, которые хватают за руки, тянутся к нам всевозможными массажерами и пытаются на ходу нас массировать, предлагают заказать пошив любого изделия, кто-то пытается увести нас «туда, куда вам нужно» и помочь нам купить все, что нужно. Еще до поездки мы знали, что это так называемые «помогайки», которые за небольшую сумму помогают туристу сориентироваться в городе, сопровождают по магазинам. Но мы не ожидали, что их предложения будут столь навязчивыми. Как нам рассказали бывалые туристы, Суйфэнхэ лет десять-пятнадцать назад был маленьким провинциальным городком, почти деревней, и за это время он стал крупнейшим торговым центром, где закупаются российские коммерсанты. Поэтому многие местные жители мало-мальски овладели русским языком и, к сожалению, хамскими повадками некоторых русских бизнесменов. Так, если вы долго примеряете какую-то вещь, торгуетесь, а потом уходите без покупки - вас могут запросто обложить крепким русским матом. В городе очень много наружной рекламы на русском языке, иногда очень смешной, например, «все для удачной

рыбалов-ки» или «товары для дома», кафе «У Миши», «У Петра». Для удобства обращения и продавцы, и переводчики берут себе русские имена — Жанна, Саша, Антон, Лиля. Выглядит Суйфэньхэ как-то хаотично — очень высокая плотность застроек, улицы узкие, а движение по ним сумасшедшее — снуют такси, автобусы, велорикши, велосипедисты и масса пешеходов. О правилах движения, похоже, никто не знает. Машины истошно сигнализируют, тормозя в нескольких сантиметрах от перебегающих дорогу тут и там пешеходов. Удивляет отсутствие урн — мусор выбрасывают прямо на дорогу и тут же откуда-то появляется чело-век в форме, с защитной маской на лице, в большинстве своем это пожилые женщины, и собирает этот мусор специальными щипчиками или совком. Таких уборщиков — масса, на каждой улице. В Суйфэньхэ нет ощущения «заграницы» — купить можно все как за юани, так и за рубли, и все напоминает большой китайский рынок. Обедаем, вернее, завтракаем в кафе. Весь Китай живет по пекинскому времени и поэтому, приехав в Суйфэньхэ в 12 часов по Владивостокскому времени, здесь мы переводим часы на 9 утра.

Ошеломленные первым знакомством с Китаем, едем в Муданцзян, где нас ждет пересадка на поезд до Даляня. Автобус местный, видимо, выполняет задачу при малых габаритах вместить как можно больше пассажиров. Колени еле вмещаются в узкий промежуток между сиденьями. На протяжении всего пути наблюдаем работы по расширению дорожного полотна — масса техники и людей в спецовках на многие километры. Сразу чувствуется, что в рабочих руках здесь недостатка нет. Все поля вокруг засеяны. Практически нет ни одного свободного клочка земли, даже на сопках и в оврагах что-то высажено. Тянутся бесконечной лентой рисовые, подсолнуховые поля, сады и теплицы. Воздух постепенно раскаляется. В Муданцзяне успеваем только пообедать. Дети с опаской пробуют неведомые блюда — щупальца и кольца кальмаров, свиные уши, кусочки мяса в кляре и трудноопределимые по составу салаты. Необычно, но вкусно. Бежим с сумками на железнодорожный вокзал, проходим досмотр багажа. Кстати, в Китае

в целях безопасности пассажиров на всех вокзалах и даже в метро установлены пункты досмотра багажа, все вещи и даже дамские сумочки проходят через специальную камеру. Вливаемся в гигантский поток отъезжающих. Переводчица Жанна, миниатюрная девушка, тоненьким голоском истошно кричит «Са мной! Быстлей!», подпрыгивает и машет нам рукой, указывая путь. Заскакиваем в поезд и трогаемся минута в минуту. Вагон плацкартный, в отличие от российского, без боковых полок, но зато трехэтажный. Верхние полки оснащены специальным бортиком-поручнем для безопасности. Работает кондиционер. Постели уже заправлены, а кипятик стоит под столом в термосе на специальной подставке. Комната для умывания с тремя раковинами находится отдельно от туалета, что очень удобно. Здесь всегда есть мыло, а в туалете — туалетная бумага - приятное отличие от привычного для нас сервиса. Больше всего в китайских поездах нас поразила работа проводниц - они каждый час мыли полы в вагоне, а в промежутках - подметали, практически постоянно убирали со столов мусор, закрывали шторы, если светило солнце, добавляли кипятик в термос. В какой-то момент мы даже устали от такой опеки. А ночью в вагоне на боковом откидном сидении сидел дежурный, который следил за безопасностью пассажиров.

И вот мы в Даляне - одном из красивейших городов Китая, утопающем в цветах, садах и парках. Современные зеркальные небоскребы, отражающие небо, поющие фонтаны, подсвеченные разноцветными огнями, выложенные иероглифами клумбы, чистота и ухоженность улочек, прудов, площадей и скверов. А как хорош Далянь вечером — вся архитектура подчеркнута светящимися огнями, за огромными стеклами домов свисающие на несколько метров хрустальные светильники самых замысловатых форм. Миллионы огней видим из крутящегося ресторана пятизвездочной гостиницы. Билеты сюда дорогие, но зрелище потрясающее, как снаружи, так и внутри, а кроме этого возможность попробовать массу самых необычных блюд.

А утром мы съездили на правительственный пляж, где отдыхает китайская элита. Вход платный, около 100 руб. за

человека. Попадая внутрь, понимаешь, что платишь деньги за поддержание этой неопишуемой красоты и чистоты. Дорога к пляжу идет через массивный парк — бархатные склоны стриженных газонов окружают цветочные и скульптурные композиции, кроны деревьев сотрясаются «пением» цикад, по дороге нас обгоняют кортежи высокопоставленных чиновников, у пруда идет съемка рекламного ролика — красавица в свадебном платье, с лицом снежной королевы любезно позирует нам, шумит рукотворный водопад. И вот мы у моря. Вдали возвышается скалистый остров, галька под ногами и вода, вспененная огромным количеством отдыхающих, в основном китайцев. Все плещутся у берега, дети стреляют из водных пистолетов. Назвать воду чистой нельзя, заплываем глубже — медуз нет, но плавают огромное количество рыбешек, напоминающих рыбу-меч, с какой-то иглой на носу, но вполне миролюбивых и безопасных. На пляже удивили купальники на женщинах и девушках — очень закрытые, пуританские, скорее напоминающие сарафаны или комбинезоны. С голыми животами — только туристы из других стран. Интересно наблюдать за семьями. Так как в Китае ограничение рождаемости, в семье может быть только один ребенок, второго разрешается родить только сельчанам — и то, если первой родилась девочка. А если городская семья желает завести второго ребенка, то придется заплатить за это довольно большую сумму денег. Поэтому отношение к детям здесь очень трогательное. Рядом с нами — маленький отпрыск, окруженный родителями, дедушками и бабушками. Его передают с рук на руки, с ним фотографируются, он — смысл жизни всех этих взрослых.

На следующий день утром едем в аквапарк. В огромном здании — два бассейна, один для плавания, другой с аттракционами и островками, между которыми плещутся дети. Из спиральных катушек с криками вылетают и шлепаются в воду взрослые и дети. То и дело слышны свистки работников бассейна, которые следят за порядком. На катушках встречаем довольно пожилых женщин — адреналин, видимо, нужен всем, независимо от возраста. Для соблюдения санитарной безопасности все дорожки в бассейне обработаны дезинфицирующим раствором, также как

и выданные нам резиновые шлепанцы. После бассейна принимаем душ и едем в «Дискавериленд» за новой порцией адреналина.

Парк аттракционов раскинулся на нескольких рукотворных островах, соединенных мостами. Чего здесь только нет — средневековые замки, пещеры, голово-кружительные американские горки, огромный корабль-качели, гигантские скульптуры сказочных персонажей. Мои попутчики с отвагой испробовали на себе все прелести экстремального отдыха. Я же с замиранием сердца наблюдаю за тем, как кольцо с сиденьями уносит их в небо и резко опускается в свободном падении, слушала истошные крики, доносящиеся с американских горок и гигантских каруселей. Вскоре начало смеркаться, и парк расцвел многоцветными огнями. На одном из полуостровов началось грандиозное русское шоу — смесь цирка и костюмированного маскарада, перемежаемая разнообразными танцами от брейка до канкана. А закончилось представление грандиозным фейерверком. Напоследок решила прокатиться на водном аттракционе. На входе нам выдали плащи с капюшонами, мы сели и поплыли по улочкам сказочного города. И вот мы в шахте, наша гусеница медленно ползет вверх, впереди видим небо и вдруг «бац» — падаем вниз, куча брызг, визга, и долгожданная пристань. Потерянный от неожиданности дар речи возвращается безудержным смехом. Все эти экстремальные забавы, аквапарк и «Дискавериленд» обошлись нам недешево — примерно в 1700 руб. на человека. Но, увы, за удовольствие приходится платить.

На следующий день отправляемся на сеанс стереокино. Специальные очки и круговой экран создают иллюзию полного погружения в сказочный мир китайской легенды. Летим вслед за героем, и ветер дует нам в лицо — оказывается, ветер дует из стоящего впереди сидения, оттуда же идут запахи цветов и океана. Крысы бегут прямо на нас, мы уклоняемся и чувствуем, как они задевают наши ноги своими хвостами. Нас обдает брызгами воды, а дышащая нам в лицо змея окутывает нас дымом. Наши кресла трясутся во время борьбы героя с чудовищем. Ты смотришь

на происходящее не со стороны, а изнутри, испытывая неподдельный ужас и восторг.

Китай привлекает туристов не только возможностью хорошо отдохнуть и познакомиться с многовековой культурой, но и относительно недорогим сервисом и шопингом. Размах торговли поражает — это целые кварталы небоскребов, набитых товарами. Из-за нехватки торговых, офисных и жилых площадей города стремительно растут не только вверх (10-ти и 20-этажные здания безжалостно сносятся и на их месте строятся другие от 60 до 100 этажей), но и вниз. Мы побывали в такой подземке — это многоуровневый даже не супермаркет, а настоящий город, где работает масса людей. Здесь есть все — столовые, кафе, забегаловки и рестораны, парикмахерские и массажные салоны, стоянки для машин, туалеты, салоны связи, Интернет-кафе и масса магазинов. Самый нижний этаж напоминает большую барахолку — здесь низкие цены, впрочем, как и качество предлагаемого товара. Каждый этаж соответствует определенному уровню жизни. В надземной части — дорогой элитный товар, зеркальный кафель, хрустальные люстры, изысканный интерьер и соответствующий покупатель, никакой давки и толчеи. Чем ниже этаж, тем проще и дешевле. Впрочем, торговаться можно везде. Можно купить вещь раз в десять дешевле первоначально заявленной цены, но нужны недюжинные актерские данные, время и железные нервы. Вас будут стыдить, умолять, ругать, хлопать по плечу, а вы должны пугаться, обижаться и дуться, уходить и возвращаться, мириться, но стоять на своем.

Пекин встретил нас вокзальной толчеей, затянутым дымкой небом и душным, влажным, впитавшим в себя выхлопные газы тысяч машин воздухом. Влившись в нескончаемый поток машин, наш автобус везет нас мимо диковинных зеркальных небоскребов, проезжает под многочисленными мостами и виадуками. И вот мы в гостинице. Открываем дверь в номер и застываем от восхищения. Каким же должен быть пятизвездочный отель, если в нашем, с тремя звездами, такая красота и уют? Огромные кровати, на каждой из которых могут спать

просторно минимум 3 человека, пушистые ковры, гигантский плазменный телевизор, красно-золотой шелк покрывал и штор, зеркало в позолоченной раме, изысканные светильники, встроенный сейф, ванная с белоснежными полотенцами и наборами принадлежностей для душа и, главное, спасение от духоты и влажности — бесшумный кондиционер. Тут же вспомнилась Владивостокская гостиница с искусственным паласом, вентилятором, заменяющим кондиционер, выщербленным кафелем и маленьким допотопным телевизором с проводом вместо антенны и практически с такой же ценой за номер.

Пекин поразил нас современной архитектурой — небоскребы из стекла и бетона самых замысловатых форм, порой несовместимых со здравым смыслом. Ну как может стоять 60-тиэтажный дом, если стены его вогнуты внутрь, образуя посредине некую талию, которая в два раза уже верха? Или за счет чего держится на макушке здания висящий сбоку стеклянный куб? И главное, как ощущают себя люди, работающие там? Архитекторы словно соревнуются друг с другом — кто придумает еще замысловатее и оригинальнее форму.

Именно здесь, в Пекине, мы почувствовали, что находимся в стране с многомиллионным населением — гигантские пробки на дорогах (при том, что для движения выделены до 8 полос + полосы для велосипедистов), гигантские расстояния, которые в целях экономии времени и денег мы преодолевали на метро вместе с многотысячной толпой, тысячи такси, которые невозможно поймать в час пик и масса автобусов.

Из-за этих расстояний и пробок нам пришлось от многого отказаться. Но все-таки кое-что мы успели. Еще в Кызыле один знакомый посоветовал нам сходить на шоу кун-фу. И вот мы в театре «Красный». В фойе на возвышении зрителей встречал игрой на национальном инструменте маленький герой спектакля. «Легенда о кунфу» идет в этом театре уже много лет и всегда собирает аншлаг. Спектакль потряс нас не столько даже мастерскими трюками актеров, сколько визуальными эффектами — моментальной сменой удивительных декораций, поднимаю-

щимися мостами, открывающими пылающую бездну, звездным небом и космосом, наполненным мыльными пузырями и переливающимися стеклянными струями, снегом и лунной. Словом, это настоящее шоу — динамичное, экзотичное, понятное зрителю любой национальности, поражающее мастерством актеров и фантазией постановщиков.

По сравнению с этим шоу китайский цирк показался нам менее эффектным, хотя и здесь было чему удивляться. В одном из номеров артисты демонстрировали просто нечеловеческую гибкость и прыгучесть. Они с разбега прыгали в обручи, которые в ходе номера поднимались все выше и выше. И вот обруч закреплен на высоте около 2,5 метров, акробат разбегается, прыгает и, в воздухе совершая разворот, складывается пополам, пролетает сквозь обруч задом наперед и приземляется на ноги. Каким трудом и упорством достигаются такие результаты трудно представить. Другой артист прыгает сквозь два обруча, расположенных в метре друг от друга, но на разной высоте. Прыгает руками вперед, совершает в воздухе настоящий взлет и пролетает сквозь второе кольцо, которое выше первого на полметра. Если бы мы не видели все это своими глазами, то поверили бы вряд ли. А 12 девушек на одном велосипеде? Не говоря уже о том, что поодиночке как они только не ездили — и сидя на руле, и стоя на нем, и задом наперед.

Площадь Тяньаньмэнь и Императорский дворец — это сердце Пекина, исторический и административный центр. Сразу скажу, что август не лучшее время для экскурсий сюда. Огромная площадь, где не спрятаться от сорокаградусной жары. Под Воротами Дворца — столпотворение, уставшие от солнца китайские туристы сидят здесь прямо на земле, едят, дремлют, отдыхают, невзирая на проходящую массу других туристов. Если честно, то Императорский дворец не произвел особого впечатления. Его красотой и величием трудно впечатлиться, находясь в давке и толчее. Кроме того, здесь очень грязно, везде сидят люди, едят и мусорят. Увидели здесь нищих и попрошаек. Под одним из деревьев сидела мать с обезображенной девочкой, у которой все тело было покрыто рубцами от ожогов, а на голове две огромные опухоли. Зрелище ужасающее.

В «Парке мира» можно увидеть почти все достопримечательности разных континентов, стран и городов мира. За несколько минут ты можешь попасть из Японии с ее пагодами к истуканам с острова Пасхи, а оттуда на Красную площадь в Москве. Для каждой уменьшенной копии создан соответствующий ландшафт — средневековые замки возвышаются на окруженных рвом скалистых островках, а египетские пирамиды среди песков пустыни. Подобные парки есть во многих странах и их прелесть в том, что они дают представление о многообразии мира, о величии культур других народов.

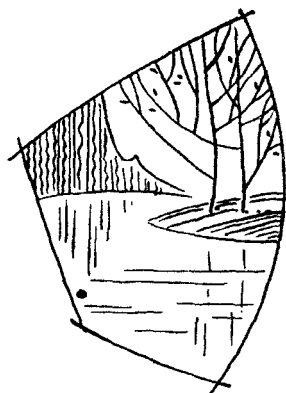
Любое путешествие дарит не только впечатления от просмотра достопримечательностей, но и приобретенный опыт, знания и общение. Китай нас поразили многим. Мы ни разу нигде не видели пьяных. Это не значит, что китайцы не пьют вообще. В поезде они выпивали, но никто после этого не лез в драку, не приставал к окружающим, не гадил вокруг. От нашей переводчицы мы узнали, что в Китае не бросают детей, а малоимущим правительство помогает деньгами или льготами, а устройством на работу, поэтому там нет иждивенчества, что студентам можно жениться только после того, как они закончат вуз. От туристов из Приморья мы узнали, что многие отправляют своих детей учиться в вузы Китая, потому что там не только хорошее образование, но и безопасно, нет пьянства и наркотиков. Мы удивились, как много китайцев прекрасно владеет английским и русским языком. Нас удивили бесплатные «публичные» чистейшие туалеты, где есть всегда мыло и бумага — так насаждается культура, поэтому никто не гадит на улицах. Мы не встречали праздношатающуюся молодежь, которая пьет пиво на лавочках. По городу и в метро мы ходили с картой, и окружающие помогали нам сориентироваться — если мы не понимали, то собиралась целая толпа, кто-то рисовал схему движения, кто-то брал за руку и провожал до нужного автобуса, передавая нас пассажирам, чтобы они нас вовремя высадили на нужной остановке, а один парень, видя как мы не можем поймать такси и явно куда-то опаздываем, позвонил нашему переводчику, узнал, куда нам нужно, поймал такси, объяс-

нил таксисту, куда нас везти и помахал вслед рукой. Одна старая китайка, увидев, что у нашей попутчицы порвался ремешок на шлепанце, схватила ее за руку, усадила на стул и пришила оторвавшуюся деталь, а от денег отказалась. В Китае мы встретили массу замечательных, отзывчивых людей.

Другой пример показателен с точки зрения отношения китайцев к правилам. Когда мы зашли в парк аттракционов, то не поняли в какую сторону идти, и двинулись по какой-то ковбойской улочке. Сделали пару снимков и пошли дальше, прошли через турникет и вдруг обнаружили, что мы вышли из парка. Хотели вернуться, но нас не пускают, показывают, что здесь выход, и входить нельзя. А билеты у нас забрали на входе. Что делать? Мы стали слезно объяснять, что вышли случайно, мол, вы же видели, что мы только что прошли. Но никакие уговоры на охранников не подействовали. Не положено — и все тут. Пришлось нам просить окружающих позвонить нашей переводчице. Она пришла за нами и повела к входу, там сначала проверили наши фотоаппараты и, увидев, что снимков из парка всего два, только тогда поверили, что мы действительно вышли случайно. Мы зашли второй раз и начали хохотать. Как можно было не увидеть вывеску «exit»? Так что совет всем — не теряйте бдительность и учите иностранные языки.

Эта поездка поменяла наше отношение к так называемому «китайскому качеству». Мы видели товары высочайшего качества. Другое дело, что наши коммерсанты везут в Россию товары подешевле, и качества от них ждать не нужно.

Это лишь малая часть наших впечатлений о Китае. Многого мы не успели увидеть, и поэтому хотелось бы попасть в эту удивительную страну еще раз.

Поэзия

Владимир КАН-ООЛ

* * *

Как же тревожат:
Голые ветви,
Старая лошадь —
Осени сети.
Осени горькой
Кудри седые
Свистнет осокой
Ветер блудливый,
Стреплет с осины
Листик последний...
Дайте мне силы
Молнии летней!
Молнии с громом,
С запахом хлеба —
В мире огромном
Зябну, как верба.

* * *

По ночам морозы набегают,
Панцирем одет лежалый снег,
Но мелькают, вдоль дороги, с краю,
Синие подснежники в разбег.
И сойдет из сердца непогода
От горячих свечек на снегу.

Да откройте двери — время года
И любовь стучится — я бегу!
Чтоб она во мне, подобно грому,
Заструилась пением дрозда,
И порой цветения черемух
К ним слетела б ты, моя звезда.

Но не бойся: в этой точке неба
Не повиснет серая дыра...
И тянусь, тянусь я, точно верба,
Из оврага, где чернеет мрак.

СКАЛА

Над сетью гор зима ткала
В лучах сверкающий узор.
И только тихая скала
Черна, снегам наперекор.

Но вот с долин пополз шумок:
Там, под снегами, пели капли.
В проталинах пригорок взмок
И голые осины зябли.

Зима держалась на горах,
Роняя в ночь роскошный пух,
А утром в солнечных лучах
Студил туман морозный дух.

Но все ж от шалостей весны
Бросал хрустальные дворцы,
Забыл пленительные сны,
Зачах и скрылся за холмы.

Под тень скалы приполз ледник
Тихоню снизу проучить,
Лишаясь сил, в последний миг,
Забил в прозрачные ручьи.

Скала-тихоня ожила,
Прикрыв себя цветами, мхом,
И перелетного стрижа
Пленила гнездышком-замком.

ТЕПЛО ЗЕМЛИ

Снега, снега.
Мой теплый дом —
Земли горячая ладонь.
Над проводами тонкий звон —
Пульсирует земной огонь:
Тепло твое и нежный свет
Струится белым молоком,
И материнский твой завет,
Души неписанный закон,
В сплетенье дней тая узор,
Над прелью хвои и листвы
Звездой висит над цепью гор,
Пока о нем поют клесты,
Пока продрогшая сосна
Хранит тепло для семени,
В снегах рождается весна
И ждет во льдах до времени.

НА ОЗЕРЕ

На закате стаи уток
Прочертили Чагытай.
Сладкий запах незабудок
Медоносный месяц май.

А на волнах пляшут зори,
Лодки берегам снуют,
Здесь мои родные корни,
Тени прадедов у юрт.

У костра да ночью лунной
Сети сотканы струной.

Дикой лошастью табунной
Скинешь смятое руно.

И уйдем мы росным лугом
В глухариную тайгу,
Где рассветным робким утром
Трепет губ твоих найду.

И упрется кобылица
Грудью в месяц молодой,
Подмигнула мне зарница
Колыбельной сединой.

* * *

Сереет небо в сеточке дождя.
Не видно гор, но знаю: там они
Стоят вершины, звездами дрожа,
В снегах столетий ловят эти дни.

А может, дни соткнутся в полотно
Безверья, веры, прошлых лет, крови.
Стучу я сердцем в каждое окно,
Чтобы о жизни пели соловьи.

Они в лесах забытого села,
Где в избах жить, учились на века.
Слезами снилась ночью и звала
В грибных туманах теплая река.

Где все имел, подобно королю,
Богатой звездами и тьмой страны
И вот для Малой Родины молю:
«О боже мой, спаси и сохрани!»

Не надо, боже, «сильного» вождя,
А тех, кто просит, в шею их гони!
Сереет небо в сеточках дождя.
Не видно гор, но знаю: там они.

* * *

Переболел тобою я давно,
Багровые закаты позабыты.
Но вдруг попал в «повторное» кино —
Вернула память все твои заботы.

Экран мелькал под шелест губ твоих,
И била дрожь отчаянной судьбою.
На черной небе — звезды на двоих,
Как много счастья я носил с собою!

И вспомнил вновь задорное: «Лови!»,
И ветра посвист, небо полыхание...
Экран туманит, где там соловьи!..
К губам склонилось легкое дыханье.

Жестокое повторное кино!
И первая любовь, ее забавы.
Приду я робко под твоё окно.
В лугах нас ждут некошеные травы.

Людмила САНЧАЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕСНИ

Где-то беды отпугнуты — криком,
где-то тьма отогнана — светом...

Безголосы мы — в горе великом.
Дух веселий — повыдуло ветром.
Только... что это?
Свет откуда?

Это песня тихо взлетела
и развеяла мрак.
О, чудо! —
неужели душа запела?

КАМЕНЬ

Обросший травой да лишайником,
лежит.

Никому не мешает он.

Присядет лишь кто-нибудь
на него —

и в этом вся служба его.

Той службой довольны усталые
Путники — юные, старые.

Один из довольных собой господ
наехал на камень тот,

и плюнул,

и пнул невесть отчего.

Врос в землю —

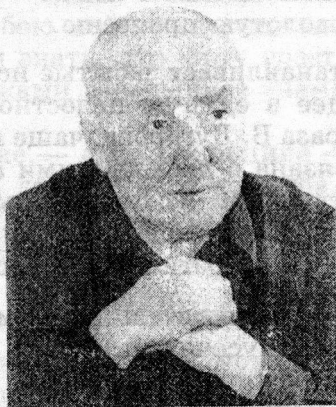
а то бы столкнул его!..

К камню девочка подошла,

боли его ладошкой сняла.

Затем цветов поскорей нарвала.

Короны себе и камню сплела.

Баир ДУГАРОВ

Народный поэт Бурятии.

«КОГДА МНЕ НЕ ХВАТАЕТ НЕБА...»

У вечной звезды я спросил на рассвете:

«Что значит мой свет, если нету бессмертья?»

Что значит мой голос на этой Земле,

Такой незаметной в космической мгле?»

Звезда не ответила, тая в тумане.

Неужто в безмолвии суть мирозданья?

И солнце дрожало на капельках рос.

Был смертен мой голос, но вечен вопрос.

Поэт, создающий «образ мира, в слове явленный», своим Словом протягивает нить между Небом и Землей, соединяя земное, переходящее с вечным и сакральным. Мифологические представления о поэтическом даре восходят к пророческим прозрениям. Не зря поэт, как ясновидящий шаман, не знающий временных и пространственных ограничений, обращается к своей мистической прапамяти:

И с kloкочущим бубном в руке
Ясновидец — лицом к поднебесью —

На гортанном степном языке
Пел мою золотую прापесню.

Прапамять восстанавливает забытые истины, соединяя прошлое и настоящее в единую целостность. Семантика художественного образа Б. Дугарова, чаще являясь метафорическим кодом, связана с древнейшими архетипами как отклик на предшествующий языковой опыт нации. Когда «забрехала тропа в траве забвенья», лирический герой прозревает истоки своего поэтического вдохновения:

И предков дух, восставший из могил,
Мне молнии кусочек отломил.
И пальцы обжигающим пером
Я понял: мать мне степь,
Отец мой — гром.

И, наконец, в поэзии Б. Дугарова певчие птицы как посланцы верхнего мира являются крылатыми посредниками между Небом и Землей. «Сумасшедшая птица», самозабвенно «пронзающая небосклон» на степном просторе родного Монголжона, — жаворонок (булжамуур), сакральная птица небес, воспетая в Гэсэриаде. Монголжон как воплощение малой родины — страны Хухэй-Саяны хранит множество мифов о древней земле, о смене кочевых племен, бесконечную цепь родословных легенд. Именно на этой прекрасной земле, окаймленной величественными горами, должны были родиться легенды о Гэсэре, сказания о небожителях и их земных потомках, помнящих свои древние истоки.

Я хотел бы повиснуть росой над поляной,
Сумасшедшею птицей пронзая небосклон,
Камнем стать и луной. Иль гореть безымянно
Золотистым цветком на земле Монголжон.

ЗВЕЗДА КОЧЕВНИКА

Мужчине — путь, а женщине — очаг.
И чтобы род мой древний не зачах,
Роди — молю и заклинаю — сына.
Стрела летит, покуда жив мужчина.

Мужчине — дым, а женщине — огонь.
И чтоб в бою мой не споткнулся конь,
Я должен знать, что юрту греет пламя,
Как предками завещанное знамя.

В мужчине — дух, а женщине — душа.
Травинка держит небо трепеща.
Без очага, без сына, без любимой,
Как одинокий смерч, развеюсь над равниной.

САЯНСКИЕ СТАРИКИ

Вспоминаю саянских моих стариков,
Безымянных для мира больших знатоков
Лошадиной езды, разжиганья костров
И облавы безудержной на кабанов.

В глухоманном зимовье, у летних стогов
Я внимал их рассказам о былях отцов,
И земля наполнялась дыханьем легенд,
Словно дымом от трубки, что куривал дед.

И сказанья Гэсэрова девять ветвей
Распускались, объемля тайгу, в синеве.
И в немые глубины монгольских степей
Уходили концы родословной моей.

Я готов был их слушать и ночи, и дни.
Все запомнил, что мне говорили они.
И гордился я тем, что в селенье моем
Молодежь называла меня стариком.

* * *

Безмолвные миры ушедших поколений
Травую поросли, травой забвенья.

И предков дух, восставший из могил,
Мне молнии кусочек отломил.

И пальцы обжигающим пером
Я понял: мать мне — степь, отец мой — гром.

И я в тоске окликнул времена,
В забытые поверив письмамена.

И расступились облака и тени.
Тропа забрезжила в траве забвенья.

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ

В садике старинного музея
есть олень с волнистыми рогами.
Убежать из города не смея,
он как бы застыл под деревьями.

Этот зверь — единственный на свете,
что считает предком человека:
Он в его руках обрел бессмертье,
с камнем слившись бронзового века.

То — олений камень. Он когда-то
минус пять веков до нашей эры
высился над прахом азиата,
словно памятник степняцкой веры.

И рога оленьи — миф нетленный —
возносили к солнцу мертвых душу.
Я ничем покой твой не нарушу,
камень мой возвышенный, олений.

* * *

Почему этот ясный простор
прославляли мечом чингисханы
и не знает никто до сих пор
о поэтах его безымянных?

Неужели их песен следы
лишь в кургане отыщет лопата

на кусочке сухой бересты,
уцелевшем случайно когда-то?

Я брожу по ононской степи,
где деревья редки и согбенны.
В черном небе мерцают стихи,
в пыльных вьюгах клубятся поэмы.

Где-то здесь мне завещан мотив
моей песни, по-новому древней.
Опаленные ветви склонив,
что-то долго мне шепчут деревья.

ЧАША УГЭДЭЯ¹

А пир все длится. Музыка устало
звучит в движеньях гибких танцовщиц.
О кознях вспомнив вдруг Тохаристана²,
мрачнеет хан, всех повергая ниц.

Но гонит прочь с лица он тень тревоги,
подумав величаво о себе:
не зря ему дарованы чертоги
за молодость, прошедшую в седле.

Из черепа врага приятней пить
вино, когда великий хан ты сам.
Но прежде надо чашу накренить,
отлив святую долю небесам

Ведь волей Неба роду борджигин³
был дан аркан, связавший племена.
На небе правят солнце и луна,
а на земле — единый властелин.

¹Угэдэй — третий сын Чингисхана и его преемник, избравший столицей Монгольской империи город Кара-Корум.

²Тохаристан — историческое название части территории Средней Азии и Афганистана.

³Борджигин — род чингисидов.

Мир покорен мечом, но, покоренный,
страшнее и коварней он вдвойне.
Священны чингисхановы законы,
но трудно править, сидя на коне.

То правда — быть в жестокий век жестоким,
сжимая саблю от тяжелых дум.
И хан бывает жутко одиноким
в веселом городе Кара-Корум,

возникшем полуявью, получудом
среди степей орхонских и холмов,
бухарской негой и китайским блюдом
дух убаюкивая степняков.

Не лучше ли, припав губами к чаше,
наполненной дурманящим вином,
ласкать горячих женщин и все чаще
под утро забываться мертвым сном.

Он пил до дна, не оставляя зла.
И во хмелю, казалось, был добрее
к послам, которым снилась пиала
из черепа кагана Угэдэя.

Куулар ЧЕРЛИГ-ООЛ

Ликует сердце, жизни гимн поет.
Ему сто лет прожить — одно дыханье.
Служить народу Родины моей,
Как реки, горы — вот мое признание!

Нестоек взгляд, слаба рука
У пьяного у седока.
Упал, теряя стремяна, —
Винит и больно бьет коня.

Плач ребенка — лесное эхо,
Отзывается в душе людей:
Что он плачет? Как случилось это? —
Спешим мы, чтоб помочь скорей.

Средь богатств, что копим и лелеем,
Дети — вот что чище всех и выше.
Отзовутся правдой — не елеем.
Дети — это наше эхо, слышишь?

В душе моей сияет радуга стихов.
В ней слышен говор тысяч голосов,
В ней тысячи оттенков пламени горят,
В ней сотни серебристых ручейков звенят.

В стихах — и дьявол мой, и мой шаман,
Влекут меня в безумств седой туман,
Чтоб буйной страстью яростных стихов
Изгнать печаль и боль чужих грехов.

Зоя САМДАН,
кандидат филологических наук

ДУХОВНЫЕ ЗЕРНА ДЕСЯТИЛЕТИЯ (к 85-летию со дня рождения М.Б. Кенин-Лопсана)

«Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением к современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле»

(Д.С. Лихачев)

1. Штрихи к его биографии

«Его звезда предвещает завидную судьбу» — так благословила бабушка Хандыжап, шаманка небесного происхождения, провожая его на учебу в загадочный город Ленинград, в далеком 1947 году. Действительно, ее прозорливое предсказание удивительным образом сбылось. Монгушу Бораховичу Кенин-Лопсану, 85-летие со дня рождения которого в этом году отмечаем, выпала счастливая доля, белая дорога (ак орук), как говорят тувинцы. Таковую счастливую судьбу преопределил во многом правильный, безошибочный выбор им своего пути в мир знаний и творчества. Как известно, у всех талантливых людей счастье творчества достигается не только удачей и вдохновением, а отвоевывается потом и волей. Жизненный и творческий путь писателя и ученого М.Б. Кенин-Лопсана тоже был не безоблачным. На этом тернистом пути он всего добивался своим талантом и трудом. В каждый знаменательный отрезок своей жизни у него были и свои трудности, и свои обретения.

М.Б. Кенин-Лопсан родился 10 апреля 1925 г. в местечке Хөндергей Дзун-Хемчикского района ТНР в семье арата-кочевника. После окончания Кызылской средней

школы № 2 в 1947 г. поступил в Ленинградский государственный университет. Окончив университет, вернулся в 1952 г. в Туву и преподавал в педагогическом училище, затем в течение десяти лет (1954-1964 гг.) был редактором Тувинского книжного издательства. С 1964 г. по сей день работает в Национальном музее им. Алдан-Маадыр.

Ныне народный писатель РТ М.Б. Кенин-Лопсан — автор более 10 романов, в их числе тетралогии, или, как сам писатель называет, этноэпоса «Юрта табунщика», состоящего из 4-х романов, более двух десятков сборников поэзии и прозы. Он перевел произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Байрона, Гейне... Собрание его сочинений выходило дважды: двухтомник в 1975 и более полное — в 1993 г. (На русском языке его произведения вышли в семи книгах).

М.Б. Кенин-Лопсан в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) защитил в 1982 г. кандидатскую диссертацию «Сюжеты и поэтика тувинского шаманства», там же в 1997 г. защитил докторскую диссертацию «Проблемы этнографического изучения тувинского шаманизма. По материалам шаманского фольклора». М.Б. Кенин-Лопсан как этнограф, шамановед стал автором более 10 научных изданий.

О жизни и творчестве М.Б. Кенин-Лопсана мы подробно написали в 2000 г. статье «Хранитель ценностей», посвященной его 75-летию. В настоящее время о личности М.Б. Кенин-Лопсана, о значении его подвижнического труда, надеюсь, знает каждый грамотный человек в Туве и многие представители научного мира далеко за пределами нашей республики. Поэтому задача данной статьи — более подробно осветить творчество писателя и ученого за десять лет нового века, ознакомить широкого читателя с его открытиями за это время.

2. Обретение нового века

Вспоминая девяностые, взглядываясь в новый век, мы можем констатировать тот факт, что старейшина тувинской литературы, живое сокровище шаманизма, кудесник волшебной избушки, о котором мы тогда писали, за десять лет нового века подарил нам, своим читателям, более

десяти новых книг, а сотням страждующим людям помог мудрым советом и добрым участием.

В каких же условиях он создавал свои труды в новом веке?

Десять прожитых лет в условиях кардинальных перемен удивили нас и приятными откровениями, и неожиданными сюрпризами, которые емко выразились в типичной лексике нового времени. Наша жизнь после буйных девяностых наконец-то устремились перешла в русло стабилизации. Компьютеры и мобильники стремительно вошли в наш повседневный быт. Монетизация и валоризация озадачили и внушили надежды. Кредиты и ипотеки заморозили и захлестнули большинство населения и вынудили многих жить в аванс. Оптимизм вселяет разве что мысль о том, что на фоне угрозы всемирного потепления, всемирной глобализации и мирового кризиса все чаще стали осознавать причины издержек в бездуховности общества и коммерциализации всего и вся, все отчетливее и настойчивее стали звучать призывы к согласию, единству и духовности.

В Туве в сфере духовности за эти десять лет произошло немало позитивных перемен: проведены научные конференции и симпозиумы, изданы научные труды, возрождены обычаи, традиции, национальные праздники, конфессии, построены буддийские субурганы, храм «Цеченлиг», спорткомплекс «Субедей» и новое здание Национального музея им. Алдан Маадыр.

Свой весомый вклад в эти перемены внес и наш юбиляр. Вся его жизнь в том и другом веке подчинялась одной благородной цели — подвижническому труду во имя сохранения и развития тысячелетних народных традиций и приумножению духовности.

Парадоксальным откровением для всех стал отказ Монгуша Бораховича переезжать из своей старой деревянной избушки в новый дворец. Все переехали, он остался. Причина оказалась, с одной стороны, совершенно очевидной и логичной — пожилому человеку дискомфортно в новом бетонном здании, с другой стороны, очень тонкой и символической — человеку вжившемуся, слившемуся всеми фибрами души и своими привычками и энергетикой с этой

деревянной избушкой, просто невозможно менять свое место работы, где он, в сущности, проводит все свое время, кроме ночи, и в выходные и в праздничные дни в беспрестанном труде. Признаюсь, что об этой избушке я писала как о немом уколе нашей близорукости, не сумевшей создать ему нормальные условия работы и т.д. А оказалось, что напрасно. Опустили, век прожит. Поэтому, конечно, мы должны понять и уважать его желание остаться у «родных пенатов». Его избушку, странности поведения и капризы характера, которые он иногда себе позволяет, я, например, воспринимаю как своего рода средства самозащиты от издержек цивилизации, от скепсиса и снобизма некоторых современников.

3. Литературное творчество: вклад в реабилитацию репрессированных

Литературное творчество М.Б. Кенин-Лопсана в новом веке пополнилось изданием двух его крупных произведений — романом-эссе «Буян-Бадырғы» (2000 г., до того печатался на страницах газеты «Тываның аныяктары») и романом «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка», 2000 г.), а также книгой сонетов «Төлге» («Жребий», 2003 г.). Об этих книгах раньше мы думали как о произведениях, издание которых задерживалось из-за финансовых проблем, как о произведениях, писавшихся «в стол». Выход этих произведений к широкому читателю — это безусловное достижение тувинской литературы в новом веке.

В этих романах писатель впервые крупным планом поднял тему репрессий, художественно воссоздав беспощадную правду об этом жестоком периоде в жизни тувинского общества. Исторически правдиво и лирически проникновенно воссоздал трагические судьбы людей той страшной эпохи, их яркие художественные образы.

Главным итогом литературного творчества Кенин-Лопсана за этот период, на наш взгляд, является не только его новый вклад в тувинскую литературу, но и тот факт, что его роман-эссе «Буян-Бадырғы», написанный на основе архивных документов, сыграл немаловажную роль в реабилитации имени основателя тувинской государственности

Монгуша Буян-Бадыргы. Художественная реабилитация его имени в романе-эссе М. Кенин-Лопсана всколыхнула общественное мнение. Во время республиканской научно-практической конференции «Монгуш Буян-Бадыргы — основатель тувинской государственности» в честь 115-летия со дня его рождения (Председателем Правительства РТ Ш.В. Кара-оолом) был подписан Указ «О политической реабилитации государственных деятелей ТНР и граждан, подвергнутых политическим репрессиям на территории ТНР в 1920-1930 годы» от 27 июля 2007 г. № 127.

Еще одним знаменательным итогом десятилетия писателя М. Кенин-Лопсана был выход в 2006 г. сборника документов «Настигающий птицу» — первый роман тувинской литературы. В этой книге приводятся документальные свидетельства и заключение экспертного совета по разрешению многолетнего спора о том, кто написал первый тувинский роман. Эта книга стала своего рода реабилитацией имени М. Кенин-Лопсана как автора первого романа.

Переиздание его книг «Небесное зеркало», «Танаа-Херел (переложение тувинского героического эпоса), безусловно, заполнило зияющую пустоту в области тувинской детской литературы. По нашей инициативе в 2005 г., к 80-летию писателя, началась подготовка к изданию в серии «Сказы народов Сибири» (г. Новосибирск) книги сказок, преданий, рассказов и повестей М. Кенин-Лопсана «Небесное зеркало», в прекрасном переводе московской поэтессы Э.Е. Фояковой, которая вышла в 2007 г. Уникальная природа Тувы, ее животный мир и мудрые традиции старины, воссозданные талантливым пером М. Кенин-Лопсана, вновь порадовали детей, подростков, да и взрослых читателей не только в Туве, но во всей Сибири и России.

4. Научная деятельность: уроки духовности

С 2000 по 2010 гг. М.Б. Кенин-Лопсан продолжил свою научную деятельность по линии тувинской этнографии и фольклористики. Общественно значимым событием этого десятилетия стало проведение II Международного симпо-

зиума по изучению шаманства, приуроченного к 10-летию I симпозиума и к 10-летию образования общества шаманов «Дунгур». Главенствующую роль в проведении этого мероприятия сыграл М.Б. Кенин-Лопсан. Признанием его научного вклада в шамановедение стало вручение ему председателем европейского отделения «Фонда шаманских исследований» Паулем Уккусучем золотой медали фонда, учрежденной Королевой Елизаветой II.

За эти десять лет доктор исторических наук, действительный член Нью-Йоркской Академии наук М.Б. Кенин-Лопсан выпустил в свет несколько крупных научных изданий: «Мифы тувинских шаманов» (2000 г.), «Ойтулааш. Любовная лирика» (2004 г.), «Алгыши тувинских шаманов» (г. Якутск, 2007 г.), «Дыхание черного неба» (2008 г.), «Тувинские шаманы» (2009 г.).

Благодарность к своим предшественникам, уважение к современникам и ответственность перед будущими учеными, как прекрасно выразился акад. Д.С. Лихачев, блистательно воплотились в сборнике воспоминаний М.Б. Кенин-Лопсана «Дорогой мой учитель», посвященном профессору ученому-лингвисту Э.Р. Тенишеву, который стоял у истоков подготовки научной интеллигенции Тувы. В этом сборнике есть маленькая глава «Казанские встречи. Духовное родство», на которой мне хочется остановиться как участнице этих встреч. В 2005 г. отмечался 80-летний юбилей М.Б. Кенин-Лопсана, и мы приурочили к этой дате его поездку в г. Казань в составе тувинской делегации, участвовавшей в заседании Постоянного совета Международной организации ТЮРКСОЙ и в праздновании 1000-летия г. Казани. Во время казанских встреч Монгуш Борахович удивил хозяев и гостей своим прекрасным ораторским искусством и непревзойденным знанием тувинских традиций. Он передал в знак уважения подарок от старейшины тувинской делегации Президенту Республики Татарстан М.Р. Шаймиеву — три тома своих научных трудов. Но самым памятным событием той поездки он все же считает посещение нами могилы выдающегося сына хакасского народа, известного ученого-тюрколога, востоковеда, исследовавшего тувинский язык, профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова.

Ученый и писатель М.Б. Кенин-Лопсан продолжил также свою благородную миссию учителя духовности. Его книги «Тыва улустун бурунгу ужурлары», «Тыва чаңчыл» были переведены на русский язык и при финансовой поддержке Министерства образования изданы в 2006 г. под названием «Традиционная культура тувинцев». Эта книга кроме того, что стала настольной для каждого учителя, служит прекрасным подарком для многих русскоязычных читателей.

Эти и предыдущие научные издания М.Б. Кенин-Лопсана, а также его художественные произведения «Небесное зеркало», «Танаа-Херел», «Хайындырынмай Багай-оол» вносят значительный вклад в развитие народной педагогики. Они являются прекрасными источниками для разработки программ и методических пособий для детских садов, школ, сузов и вузов нашей республики.

5. Девять сокровищ хранителя ценностей

Особого внимания в дни юбилея ученого заслуживает его участие в качестве вдохновителя и консультанта в проекте «Девять сокровищ Тувы», приуроченного к Году туризма. Эту акцию можно воспринимать как практическое внедрение в широкие массы идей и научных изысканий М. Кенин-Лопсана и многих других ученых-гуманитариев.

Абстрагируясь от общей идеи о девяти сокровищах Тувы, которая может интерпретироваться бесконечно много раз, можно соотнести их и с жизнью и творчеством ярких личностей Тувы, одной из которых, безусловно, является М.Б. Кенин-Лопсан.

В жизни и творчестве Монгуша Бораховича, на наш взгляд, можно обозначить следующие девять сокровищ: 1) его малая Родина (Хөндергей); 2) его родные (бабушка Хандыжап); 3) Ленинград — город знаний; 4) его учителя (С.Е. Малов и др.); 5) музей (его рабочее место и хранилище сокровищ); 6) литературное творчество; 7) информаторы и его текстологическое наследие; 8) научные труды; 9) педагогическое наследие.

Таким образом, десятилетие для М.Б. Кенин-Лопсана оказалось весьма плодотворным. Духовные зерна, возвращенные им, безусловно, принесут богатые всходы. Вся сово-

купность его трудов открывает для читателей и почитателей его творчества не только зерна народной мудрости, но и огромное «невспаханное поле» для дальнейшего его осмысления: литературоведам — исследовать его художественные произведения, ученым — осмыслить его богатейшее текстологическое и научное наследие, методистам — создать учебники и пособия, культовым служителям — воспитывать духовность.

Низкий поклон духовному пастырю народных традиций, который своим трудом удерживает времен связующую нить...

Союз писателей РСФСР

СТЕНОГРАММА¹

заседания Совета по национальным литературам
(Обсуждение творчества тувинского писателя Монгуша
Бораховича Кенин-Лопсана)

12 марта 1986 года

Москва — 1986 год

М. Кенин-Лопсан.

...Тувинские писатели, как и писатели великой Сибири, сделали огромный шаг в развитии нашей национальной культуры. Нашими первооткрывателями являются переводчики великого русского языка. Они нам дают величайшие горизонты, чтобы с нашей литературой познакомились представители других народов и других стран. *Стр. 21.*

А. Даржай (ответственный секретарь правления СП Тув. АССР)

...Он использует традиции нашей древней поэзии, как бы отталкиваясь от, казалось бы, простых и очень глубоких

¹Выдержки из сборника документов, в котором опубликована стенограмма. Научный центр по изучению тувинского шаманизма при Национальным музее им. Алдан-Маадыр РТ. Кызыл — 2008.

мыслей. Традиционный тувинский стих держится на том, что картины природы сравниваются с состоянием человеческой души. *Стр. 24.*

Л. Кызласов. д.и.н., профессор МГУ. г. Москва.

...Поразительно, как такой небольшой народ мог сохраниться и выжить в столь тяжелых условиях. Он дожил до нашего времени, совершил демократическую революцию в 21-м году и сумел войти в состав нашей страны. *Стр. 26-27.*

...Почему он занялся шаманством? Шаман в устах русских писателей — это фигура одиозная. И везде требуют, чтобы шамана выводить как вредную личность, которая противится социальным изменениям. Но так же мы писали и о попах, православных священниках, но ведь они сумели перестроиться. И тувинский шаман тоже перестроился.

Если бы внимательно не изучать шаманизм, нельзя было бы понять и поэтику.

Я очень благодарен Вам за то, что Вы изучали поэтику шаманизма.

Дело в том, что шаманы — это великие, непризнанные и ушедшие в прошлое сказители, великие народные поэты.

И утраты шаманской поэзии — это огромная потеря для культуры человеческой, для единой и неделимой культуры.

И как бы много не знали сейчас, то, что мы потеряли, мы уже потеряли. Я думаю, что тот настрой, который есть в книгах Кенин-Лопсана, помогает проникнуть в мировоззрение тувинца. И то, что иногда кажется русскому глазу наивным, с точки зрения европейской цивилизации, на самом деле это единство, о котором сегодня говорили, о единстве природы и человека. Такое единство было всегда присуще тувинскому народу. Конечно, Тува совершила колоссальный скачок в своем развитии после соприкосновения с огромным миром материальной и духовной культуры русского народа. И это буквально подвиг тувинского народа, что он сумел из первобытного состояния попасть в социалистически развитое советское общество. *Стр. 44.*

И. Фоняков. г. Москва, поэт, переводчик.

...У него очень чистый, своеобразный поэтический пласт. Здесь цитировались две строчки из одного стихотворения. А вот как оно звучит в целом. Это стихотворение «Прощальное курение» (Читает стихи).

Может быть начальные строчки проходные, но как тонко и с каким лирическим настроением передано это в этом обычае: прийти и покурить в последний раз с покойником.

С большой любовью я переводил его шаманские стихи. Они очень обеднены в этой книге. Она называлась «Алгыш», это был потомственный шаман. Это все было страшно интересно, а здесь все приглаженно в этой книге. И это не единственное, что в этой книге произошло. Эта книга очень обедняет представление о поэте Монгуше Бораховиче. Стр. 45-46. (Он критикует переводы Елены Андреевой.)

М. Скуратов. Москва. Поэт, прозаик, переводчик.

...Я хотел бы закончить свое выступление строками самого Кенин-Лопсана о его пути, жизненном и поэтическом. Монгуш Борахович современный человек, высокообразованный, а ведь он родился у древнего очага и не расставался с седлом. Из глубины Тувы, которую называли пупом Евразии, он попал в ленинградский университет, он учился на берегах Невы. Вот что он писал: (читает)

Д. Куулар. д.ф.н., профессор ТГУ.

...Мать писателя из родоплеменной группы Сат. Она унаследовала лучшие качества своих земляков, она поддерживала все новое, что утверждалось в жизни. Своими благородными делами она осталась вечно единственной для поэта.

В годы юности писателя во главе благодатного многоурья находились сказители-эпики: Сат Шуржужук, Сат Деспен, Сат Албанчы. Мир сказок звал будущего поэта на поиски тайн и чудес. Стр. 54

...По-своему интересен роман «Танец козерога», в котором писателем показаны глубинные истоки и великое воспитательное значение искусства. В центре повествования — образ гениального резчика Черзи Монгуша Холасаловича, уникальность дарования которого признало мировое искусствоведение. Стр. 56.

Н. Доризо. г. Москва. Поэт, драматург, секретарь правления СП России.

...Вы замечательный народный художник. Вы прекрасный писатель и прекрасный поэт. Вам нужен рывок, чтобы стать в нашей многонациональной литературе большим явлением. Для этого нужно избавиться от того, что уже пройдено. И нужно стать на уровень задач, которые стоят перед нашим народом. И стоят и перед вашим народом, который так остро чувствует близость с природой. И тут есть и тревожные проблемы, а не только идиллические отношения с природой.

...Говорилось много, я не хочу повторяться. Я только хочу сказать, что искусство переводчика — это искусство актера, который должен войти в образ и сыграть этого поэта, которого он переводит. Я согласен с Фоняковым, так нельзя делать, как сделала Андреева. Нельзя так уродовать книгу. Вот это четверостишие (*читает*).

стр. 60

**НАСЛЕДИЕ А.К. КАЛЗАНА И ПРОБЛЕМА
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОКОВ
ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В НОВОЙ «ИСТОРИИ ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

Первый тувинский литературовед А.К. Калзан, 80-летие которого мы отмечаем, был личностью широкого культурного диапазона и мощной интеллектуальной энергии, заставлявшими его работать в нескольких направлениях научного творчества. Он был литературоведом и фольклористом, критиком и публицистом, редактором и переводчиком, преподавателем и методистом, библиогра-

фом и лектором. Многогранная научная и культурно-просветительская деятельность Антона Каваевича характеризуется активной гражданской позицией, широтой и общественной значимостью. Его знали и уважали сказители и писатели, артисты и режиссеры, композиторы и художники, учителя и библиотекари, студенты и школьники. Он умел точно видеть перспективы организации литературной науки и внес общественно значимые концепты в ее развитие. Поэтому, безусловно, его имя наряду с именами ученых-тувиноведов первого поколения прочно связано с историей формирования и развития тувинской гуманитарной науки. Он вместе с Д.С. Кууларом и М.А. Хадаханэ является основоположником тувинского литературоведения и фольклористики. Как выпускник ЛГУ, первый профессиональный литературовед, он продолжил работу, начатую С.А. Сарыг-оолом, И.А. Плоткиной, С.Б. Пюрбю, Л.Б. Чадамба, и с 1953 г. возглавил сектор литературы и фольклора ТНИИЯЛИ в течение более чем тридцати лет.

В богатом научном наследии А.К. Калзана основным детищем является тувинское литературоведение. Он опубликовал более 50 литературоведческих работ в виде отдельных книг, докладов, тезисов, статей в «Ученых записках» института, в альманахе «Улуг-Хем» СП и СМИ. Основной вклад А.К. Калзана как историка молодой тувинской литературы, ровесником которой он являлся, — это руководство и непосредственное участие в создании первых очерков. Стиль его научной работы — отдавать предпочтение общему делу: организации коллективных трудов, созданию фондов, подготовке кадров. Поэтому он достойно подтверждает справедливое высказывание акад. Д.С. Лихачева о том, что «Наука коллективна. Настоящий ученый организует науку вокруг себя». Действительно, Антон Каваевич сформировал вокруг себя авторский коллектив и вместе со своими соратниками продолжил I-й выпуск очерка, составленного Ю.Ш. Кюнзегешем, О.К. Саган-оолом и А.С. Мазуревской. Существенно дополнив I-й, выпустил в 1964 г. в соавторстве с Д.С. Кууларом,

М.Б. Кенин-Лопсаном, Ю.Ш. Кюнзегешем, М.А. Хадаханэ II-й и в 1975 г. в соавторстве с М.А. Хадаханэ и Д.С. Кууларом III-й выпуски очерков.

В настоящее время, когда коллектив литературоведов после долгого перерыва, вызванного объективными причинами, приступил к созданию новой истории тувинской литературы, на наш взгляд, актуальной является постановка и обсуждение некоторых ключевых проблем в осуществлении этого проекта.

Создание полной истории тувинской литературы было одной из главных целей и предметом постоянных мучительных поисков А.К. Калзана на протяжении всей жизни. Об этом красноречиво свидетельствует его большая статья «Некоторые методологические вопросы исследования тувинской литературы» в посмертно изданном сборнике «Приметы роста». Поэтому разговор об этой животрепещущей теме на наш взгляд, должен стать началом заинтересованной дискуссии, логическим продолжением дела его жизни. При этом разговоре, естественно, мы должны опираться, прежде всего, на его научное наследие, предпринять попытку критического переосмысления этого опыта. Переосмысление наследия А.К. Калзана, разумеется, не означает, что мы собираемся полностью переписывать или пересматривать его. Ни в коем случае. Несмотря на чрезмерную идеологизированность литературоведения советского периода, гуманистическая направленность исследований, твердость гражданской позиции и аргументированность научных выводов А.К. Калзана остаются для нас незыблемым фундаментом. Его литературоведческое наследие отличается богатым фактическим содержанием и объективным анализом литературного процесса в XX веке, в том числе литературы социалистического реализма. Это отразится в новой истории тувинской литературы как данность и определенная историческая веха.

Основная наша цель — постановка проблемы переосмысления фольклорных истоков тувинской литературы в новой «Истории тувинской литературы». Эту проблему мы предлагаем рассмотреть в нескольких аспектах. Тезисно

их можно сформулировать следующим образом: 1) раскрытие историко-культурных предпосылок, предопределивших изучение фольклоризма тувинской литературы в постсоветское время; 2) определение места тувинской литературы в системе региональной и зональной общности литератур народов Сибири; 3) обоснование новых подходов в раскрытии фольклорных истоков в новой истории; 4) выявление основополагающей стержневой идеи в изучении фольклорных истоков тувинской литературы.

Историко-культурными предпосылками, подготовившими условия для создания новой истории тувинской литературы, стали кардинальные изменения в развитии тувинской гуманитарной науки по демократическому пути. Эти перемены, происшедшие за последние два десятилетия, ознаменовали активизацию научной мысли, вызванную новой волной возрождения национального самосознания тувинцев. За это время в Туве были проведены многочисленные научные конференции и симпозиумы республиканского, регионального и международного уровня; изданы фундаментальные труды по тувинскому языку и истории, опубликованы ряд монографий в сфере гуманитарной науки.

Вышли в свет два фольклорных тома в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», 12 фольклорных сборников в серии «Памятники тувинского фольклора»; переведены на тувинский язык и изданы памятники древнетюркской письменности («Кюльтегин») и средневековой монгольской письменности («Сокровенное сказание монголов») и др. Тувинское литературоведение пополнилось исследованиями и публикациями У.А. Донгак, Л.С. Мижит, В.С. Салчака, Э.Б. Мижита, З.Б. Самдан и др. В области тувинской фольклористики написаны и изданы труды Д.С. Куулара, М.Б. Кенин-Лопсана, С.М. Орус-оол, З.Б. Самдан, М.П. Татаринцевой, А.С. Донгак, Ж.М. Юша и др.

В целях выработки новой методологии в изучении истории национальных литератур народов Сибири в Туве были проведены две научно-практические конференции по литературоведению — в 1992, 2005 гг. В результате

обсуждения методологических проблем на этих конференциях были приняты некоторые рекомендации.

Общий пафос выступлений участников вышеназванных мероприятий сводился к тому, чтобы в изучении духовной культуры, и литературы в частности, отказаться от односторонних европоцентристских подходов и агрессивного антропоцентризма, обратиться к евразийскому синтезу, к восточным нравственным принципам и к космоцентристским методам исследования.

Эти предпосылки, безусловно, создают ту объективную картину для написания новой истории тувинской литературы, которая повлияет на расширение методов ее исследования от узко литературоведческого до широкого культурологического.

Переосмысливая прежний опыт наших предшественников, помимо осуществления подготовительных этапов для создания истории тувинской литературы, мы опираемся, главным образом, на теоретико-методологические разработки ведущих исследователей литератур народов России — Р.Ф. Юсуфова, К.К. Султанова, В.Г. Родионова, С.Ж. Балданова, Н.Н. Тобурокова и др.

Принципиально новые подходы в изучении истории литератур народов России предлагает, например, Р.Ф. Юсуфов, руководитель трехтомного фундаментального труда «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», который как логическое продолжение шеститомной «Истории советской многонациональной литературы» (под ред. Г.И. Ломидзе и Л.И. Тимофеева) должен был завершить многолетний труд Отдела советской литературы ИМЛИ РАН. Однако в связи с кардинальными переменами в общественно-политической жизни России эта работа была приостановлена. Начиная с доперестроечного и перестроечного времен Р.Ф. Юсуфов пришел к иному нетрадиционному литературоведческому взгляду: к убеждению, что «исследователь национальной литературы должен выйти за рамки собственной литературы, необходимо научиться выходить к широким историко-философским выводам и обобщениям, больше внимания уделять различным видам сознания (от этнического до языкового и фольклорного), философии культуры и

истории». Ученый утверждает, что «сложение любой литературной общности своими корнями уходит в глубь истории народов, такая литературная общность вызревает в недрах историко-культурной общности того или иного региона». К проблеме переосмысления истории литератур народов Сибири вполне применимы выводы Р.Ф. Юсуфова «о разрушении мифологии бесписьменности многих народов», об осознании того, что «выпали из поля зрения литературоведческих исследований целые пласты национальной культуры, определенные направления религиозно-философской мысли народов России». Он полагает, что «назрела потребность глубокого осмысления истории литературы в культурно-философском контексте отечественной и всемирной истории».

Исследование национальных литератур в контексте их региональной, зональной общности с выходом к мировым художественным явлениям, таким образом, является одним из основных выводов современного отечественного литературоведения. Если определять общности литератур по зонально-географическому, лингвистическому и культурно-историческому принципам, то внутри восточных литератур народов России место тувинской литературы определяется среди литератур народов Сибири. Внутри литератур Сибири ее место можно определить следующим образом: тувинская литература — это тюркоязычная литература Южной Сибири, не испытывавшая арабо-персидского влияния, а испытывавшая влияние монголоязычных литератур, развивающаяся в контексте шаманско-буддийского религиозного синкретизма и устоявшихся устно-поэтических традиций.

В предыдущих очерках тувинской литературы влияние фольклора на литературу рассматривалось в основном только на начальных периодах ее зарождения, т.е. в 20-30-е гг. XX столетия. Считалось, что тувинская литература под мощным воздействием русской литературы относительно быстро освоила новые литературные жанры и эстетические принципы, а фольклорное влияние как бы оказывалось не доминирующим. Однако новый подход в изучении данной проблемы свидетельствует о непрерывности

фольклорного влияния на литературу и о постепенном углублении ее фольклоризма.

В очерках тувинской литературы второго и третьего выпусков главы о фольклорных истоках написал А.К. Калзан. Обзор жанров тувинского фольклора в этих главах располагается не по времени возникновения того или иного жанра, а по величине их содержания и социально-исторической значимости, т.е. от эпоса до пословиц, поговорок. Такая подача, видимо, соответствовала идеологическим требованиям того времени. Так, например, если в очерке 1964 г., времен хрущевской оттепели, А.К. Калзан приводит интересный анализ таких жанров обрядовой поэзии как охотничьи заклинания (чалбарыг) и свадебные благопожелания (келин алгаары), то в очерках 1975 г. эти жанры, так же как и песни-ойтулааш и шаманские алгыши (якобы выразители религиозно-феодальной идеологии) выпадают. Мифы, отражающие древние религиозно-мифологические представления тувинцев, в эпоху атеизма вообще не упоминаются. Во втором выпуске очерков мифологические сюжеты определяются как басни, в третьем — смешиваются с жанрами легенды и предания.

В новых историях литератур народов Сибири их фольклорные истоки предлагается осмысливать с разных позиций, исходя из специфики той или иной национальной литературы. Так, например, ведущий якутский литературовед Н.Н. Тобуроков предлагает вместо обзора жанров фольклора, который приводился в прежних «очерках», предпослать к «Историям литератур» специальную главу о влиянии тех или иных жанров фольклора на зарождение письменной литературы, располагая их по времени возникновения.

В новой «Истории тувинской литературы» приемлем, на наш взгляд, другой, комбинированный подход в переосмыслении фольклорных истоков. Исходя из специфики развития тувинской словесности и учитывая тот факт, что ее история не писалась за последние три десятилетия и что новая ее история без фольклорной предыстории будет неполной и непонятной, нам предпочтительнее предварить

историю тувинской литературы характеристикой основных жанров тувинского фольклора. Но не в виде беглого обзора советского образца, а с точки зрения сегодняшнего состояния исследованности этих жанров, располагая их по времени возникновения. При этом дополняя обзор каждого фольклорного жанра анализом его влияния на зарождение и развитие видов и жанров письменной литературы.

Начальный этап зарождения и бытования тувинской словесности необходимо переосмыслить с новых позиций. Речь должна идти о возвращении к более полному изучению собственных истоков культуры, которые раньше замалчивались. Это, например, роль религиозно-мифологических воззрений в развитии самобытной литературы тувинцев или роль памятников древнетюркской и старомонгольской письменности в расширенном и углубленном изучении истоков литературы и т.д.

Непрерывность развития и устойчивость устно-поэтического творчества народа, сумевшего передать из поколения в поколение эти традиции и сохранить их до недавнего времени во всей полноте жанров и богатстве языка, свидетельствует о мощных корнях традиционного мировоззрения тувинцев.

Живучесть фольклорных традиций, на наш взгляд, объясняется тем, что основополагающей, стержневой идеей, подпитывающей эти корни, была и остается идея неразрывности человека и природы. Поэтому в качестве основной концепции в исследовании фольклоризма тувинской литературы мы предлагаем избрать изучение эволюции экологического сознания тувинцев, эволюции художественного отражения взаимоотношений человека и природы, начиная с древних религиозно-мифологических истоков поэтического мышления и до современных форм художественного сознания.

Подводя итоги, можно сказать, что литературоведческое наследие А.К. Калзана, в частности, главы очерков о фольклорных истоках тувинской литературы, оставаясь фактической основой с точки зрения применения текстологических источников, в новой «Истории тувинской литературы» все же должно быть подвергнуто существен-

ному переосмыслению – согласно требованиям современного литературоведения. В новом освещении данной проблемы определяющую роль должны сыграть не только современные теоретико-методологические разработки, но и новое «чтение» самих первоисточников. Фольклорный фонд, как известно, приведенный в научную систему под руководством А.К. Калзана, более всего пополнился подлинными текстами в 50-60-70-80 гг.

Сегодня надо особо отметить его прозорливость и дальновидность: он вовремя успел зафиксировать уникальные жанры тувинского фольклора. Эти тексты служат и еще долго будут служить всем исследователям духовной культуры нашего народа. Этот золотой фонд поколений является фундаментом и гарантом развития тувинской фольклористики и литературоведения. Да и вся традиционная духовная культура тувинцев, за развитие которой в свое время ратовал А.К. Калзан, сегодня возродилась благодаря этим фондам и труду наших предшественников.

Таким образом, переосмысление фольклорных истоков тувинской литературы, в частности, создание новой «Истории тувинской литературы» в целом, остается сложной и актуальной задачей, которая требует коллективного обсуждения и научной апробации силами не только местных литературоведов, но и ведущих исследователей национальных литератур.

Эдуард АНАШКИН

СЕМЬ ГРАММОВ СЧАСТЬЯ ПОЭТЕССЫ ЛИДИИ ИРГИТ

Есть в нашей стране такие удаленные уголки, о которых мы мало что знаем. Один из таких – небольшая Республика Тыва, находящаяся на стыке Сибири и Дальнего Востока. А потому невозможно не быть благодарным талантливой тувинской поэтессе Лидии Иргит, которая своими стихами открывает нам, читателям России, уникальную красоту своей малой родины, без которой красота большой многонациональной России была бы неполной. Нельзя сказать, что стихи Лидии Иргит мельте-шат в российских

изданиях. Но каждое стихотворение этой поэтессы западает в душу. Так было со мной, когда я впервые познакомился во второй половине 90-х годов на страницах газеты «Литературная Россия» со стихами Лидии. Поэтесса тогда закончила Высшие Литературные курсы при Московском Литературном институте им. Горького, где ей посчастливилось учиться в семинаре великого русского поэта Юрия Кузнецова. Во время учебы на ВЛК Лидии Иргит посчастливилось еще и стать участницей Всероссийского семинара в г. Владимире, где она была принята в члены Союза писателей России. Посчастливилось выпустить в столичном издательстве «Московский двор» книгу своих замечательных стихов «Рыдающий родник», составленную из переводов нескольких поэтов. Москва придала поэзии талантливой тувинки всероссийское звучание, хотя даже по стихам чувствуется, как нелегко пришлось поэтессе в российской столице, вдали от родной Тывы:

Когда в Москву я уезжала,
И вся светилась, как во сне.
Моя собака не визжала
От счастья выпавшего мне.
С протяжной жалостью собачьей
Она глядела на меня.
А я хмелела от удачи,
Судьбы поводьями звеня.
Свистела за окном синица,
Сияла мне рябины гроздь.
Застряла русская столица
В собачьем горле, словно кость.
Москва мне голову вскружила—
Какие планы и мечты!
И я тебя забыла, Джина,
Среди столичной суеты.
Здесь пахнет жухлою листвою,
Но не поют здесь петухи.
Я от тоски собачьей вою,
Когда пишу свои стихи.
Прости беспутную бродягу,

Как можешь ты прощать, любя,
Когда московскую дворянку
Я в лоб целую за тебя.

(пер. Евгения Семичева)

Однако нелегкое московское студенческое жите-бытье стоило того, чтобы послушать лекции Юрия Кузнецова, пообщаться с писателями России. И, наконец, чтобы познакомиться с замечательными переводчиками, благодаря которым творчество Лидии Иргит вышло на российские просторы. Переводчики Иргит – поэты Евгений Семичев, Владимир Гордеев, Диана Кан оказались не только чуткими к своеобразной национальной поэтике Иргит, к тому неповторимому тувинскому «мелосу», который Лидия так тонко умеет воплощать в стихи. Благодаря чуткости поэтов-переводчиков русская поэзия проросла еще одним самобытным национальным поэтическим голосом – голосом Лидии Иргит. Стихи Иргит – это глоток свежего горного тувинского воздуха, это вкус молока, налитого рукой тувинки в расписную пиалу. Это, наконец, завораживающие звуки тувинского горлового пения – хоомея.

Я навсегда останусь молодой.
Как голубы небесные стропила!
Искрящейся живой своей водой
Монгун-Тайга мне сердце окропила.
Она течёт сквозь небо, как река.
В ее бурлящем ледяном потоке
Плывут деревья, птицы, облака...
Я из нее вычерпываю строки...

(пер. Евгения Семичева)

Поэзия Лидии Иргит волшебным образом сближает разных поэтов с разными творческими почерками. Ведь ни у кого из переводчиков Иргит, судя по всему, не возникает ревностно-собственнического отношения к творчеству талантливой тувинки. Поэзия Лидии Иргит, словно мост, перекинутый между разными поэтическими мирами – мост, благодаря которому далекая Тыва становится ближе Первопрестольной столице нашей страны. И

вот без какой бы то ни было творческой ревности известный российский поэт и переводчик Евгений Семичев вдохновенно переводит восторженно-благодарные стихи Лидии Иргит, посвященные другому ее поэту-переводчику Владимиру Гордееву:

... Поклон Гордееву Володе!
Художник русский из Москвы,
Ты о моем сказал народе,
Как о таинственной породе
Моей космической Тувы.
(пер. Евгения Семичева)

Родившаяся и выросшая в самом отдаленном районе Тувы, Лидия Иргит пришла в литературу со своими незаемными темами – темой единокровного родства человека и природы, темой глубины родственной привязанности, благодатности многодетного материнства. Все эти качества поэзии Иргит родом из ее детства. Лидия выросла в многодетной семье, центром которой была ее мать Чечек Мунзуковна Салчак – многодетная мать-героиня, которой посвящена книга «Рыдающий родник»:

В лучах искрящейся весны
Любой сугроб растает.
Снег материнской седины
И по весне блистает.
Ах, мама, все свое добро
Ты людям раздарила,
И материнства серебро
Тебя посеребрило.
Когда блуждаю по земле,
Свет твоего окошка
Мне в ноги стелется во мгле,
Как лунная дорожка.
Ты с каждым годом все родней.
Я – кровь твоя и дочка.
Ты в полотне судьбы моей
Серебряная строчка.

Из слез серебряных твоих
Твоя медаль отлита.
И мой слезой омытый стих—
Твоей любви орбита.

(пер. Евгения Семичева)

Закономерно следом процитировать и замечательное стихотворение Лидии, посвященное ее рано умершему отцу:

Отец мой ушел так рано,
Но нас он не забывает.
И образ его, как рана,
На сердце моем пылает.
Он думал о нашем хлебе,
И умер совсем не старый.
Теперь, как орел, на небе
Пасет облаков отары.
А мама моя в печали
Вздыхает о нем ночами.
Как пусто в родном аале,
И стынут пиалы с чаем.
Отец, твоя дочь не плачет,
Отец, я сквозь годы вижу,
Как к дому родному скачет
Во мгле жеребец твой рыжий.

(пер. Евгения Семичева)

Чтобы выжить и прокормить семью в суровых высокогорных условиях, тувинцам приходится много трудиться. А потому стихи Лидии Иргит, посвященные сестрам, фактически являются гимнами неустанному труду женщин-тувинок — труду, на котором зиждется не только семейное благополучие, но и благополучие окружающего мира. В стихотворении, посвященном сестре Лине мы видим не просто кротко-смирненное отношение женщин-тувинок к труду, как неизбежной повинности. Мы видим отношение творческое:

С иглою-подругой и другом-наперстком
За день ни на миг не расстанешься ты.

И, всех наряжая, одета неброско –
Тебе не до этого средь суеты.
Портнихой от Бога тебя называют–
Настолько искусно наряды ты шьешь.
И душу твою, отродясь, не пятнает,
И уст никогда не касается ложь.
Волшебница Лина, характер твой кроток,
Плохого не скажешь вовек ни о ком...
Дурнушек – и тех! – превращаешь в красоток
Своим аккуратным чудесным стежком.

(пер. Дианы Кан)

Выросшая в высокогорной Монгун-Тайге, Лидия Иргит пишет о своей малой родине так, что понимаешь – это ее кровное, родственное, дающее силы жить, любить, творить, бороться. Что пока высокогорная Монгун-Тайга живет в душе поэтессы, она останется «женщиной-скалой» (так Лидия называет себя в одном из стихотворений), неподвластной житейским невздам. Эту подпитку родной земли прекрасно почувствовал переводчик Лидии Иргит, москвич Владимир Гордеев:

Ночь уходит, смежив свои звездные веки.
И заря алый пурпур вокруг разольет.
Серебром засверкают проворные реки.
Солнца злато-лучи разобьются об лед!
И на склонах проснутся тенистые рощи,
И в зеленых ветвях зазвучат голоса!
И во всей красоте и во всей своей мощи
Пики горных вершин подопрут небеса.
Небо жгло их огнем и глушило громами.
Иссушали их зной и жестокий мороз.
Только горы опять одевались лесами,
Не приняв эти буйства природы всерьез...
Видно, волю к борьбе я у гор одолжила,
И окрепла душою в свободном краю.
Там в мечтаньях своих я орлицей кружила.
И о той красоте в своих песнях пою.
Но когда я в тоске иль убитая горем,
Голос дальний мне слышится: «Дочка, держись!».

Я люблю эти скалы и снежные горы,
Как любить можно неповторимую жизнь.
(пер. Владимира Гордеева)

Ох и широка же душа Лидии Иргит!.. Настолько широка, что чувство родства поэтесса распространяет не только на свою семью, но и на всю природу, на лоне которой выросла. И отношение к этой природе у поэтессы дочернее, родственное. Для Лидии Иргит Монгун-Тайга – это мать, не менее любимая, чем родившая ее женщина. А Улуг-Хем – отец.

Мой несравненный Улуг-Хем,
Мне нелегко с тобой расстаться!..
Сбегаю от своих проблем,
Чтобы тобой налюбоваться.
Полжизни я могу шагать,
Чтобы узреть тебя воочью...
А ты куражишься опять,
Кичишься удалью и мощью.
Таранишь буйно берега,
Деревья с корнем вырываешь.
Потом, ударившись в бега,
Опять на берег их швыряешь.
Тебя не стану осуждать...
Ты слишком гордый и не знаешь,
Как убедительней сказать,
Сколь сильно ты по мне скучаешь!
(пер. Дианы Кан)

Как видим, далеко не всегда у «родственников» Лидии Иргит простые характеры. Но под этими с виду непростыми характерами, под этой невольной восточной горячностью и строгостью на деле скрывается истинная любовь, не нуждающаяся в словесных подтверждениях:

Монгун-Тайга – надменная красавица,
Что неприступно на земле стоит.
Туманом, словно шалью, одевается,

И ледяным дыханием знобит.
«Когда, Монгун-Тайга, свой гнев арктический
На солнечную милость сменишь ты?.. »
Увы, ответом на вопрос лирический—
Лишь скалы саблезубой высоты.
Неговорлива, несловоохотлива,
Ты эхом откликаешься на зов.
К моим губам подносишь ты заботливо
Струю своих священных родников.
Однако, вся такая неприступная,
Монгун-Тайга, как ласковая мать,
Привыкшая под горными уступами
Для нас в ущельях солнце выпекать.
(пер. Дианы Кан)

Крепкий семейный уклад виден в стихах Лидии Иргит...
И эти стихи – не просто слова. Лидия и живет также, как
пишет – с любовью к миру и чувством ответственности за
ближних. Это не позволило Лидии сдать в детские дома
нескольких осиротевших детей, своих племянников. Не
позволило, несмотря на то, что Лидии Иргит сама стала
вдовой, на попечении которой две дочки! Тот, кому «пос-
частливилось» вкушать сиротско-приютской бесприютной
доли, станет перед этой тувинской «женщиной-скалой» на
колени. Какая же она скала, с таким-то сострадательным
сердцем?! Высока ныне смертность в России: теряя одного
за другим родственников, Лидия Иргит становится много-
детной мамой. Казалось бы, какие уж тут стихи, когда
столько хлопот! Но эта уникальная талантливая тувинка
и из хлопот своих бытовых, далеких, казалось бы, от лири-
ки, способна сделать высокохудожественные поэтические
творения:

О вкусах не спорят? О вкусах не спорят!
Я, помнится, как-то картошку пекла.
Задумалась о поэтической доле—
Стихи сочинила, картошку сожгла.
Стихи, несомненно, достойны оваций ...
Да все ж от стихов невеликий навар.

Уныло вдохнули мои домочадцы
Лирическо-кухонный этот угар.
Стихами, что с жару,
Стихами, что с пылу,
Стихами, что дышат, как хлеб, горячо,
Я щедро домашних своих угостила...
И что же они? Попросили еще!
Или:

Я вся в делах... Румяные лепешки
Пеку, чтоб накормить свою семью...
Ну, а душа, как птица за окошком,
Поет, пока на стол я подаю.
Душа слагает звонкие куплеты—
Успеть бы только мне их записать!..
Я и на кухне остаюсь поэтом,
Но как забыть, что я — жена и мать?
Жар от плиты мне обжигает щеки...
А в это время Божий дар живой
Печет в душе лирические строки,
Покуда руки заняты стряпней.

(пер. Дианы Кан)

Читая эти строки, невольно вспоминаешь ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Но как-то не поворачивается язык назвать «сором» те женские заботы-хлопоты, без которых семья — не семья. Доверительность — вот, наверное, одно из главных качеств поэзии Лидии Иргит. Эта доверительность пронизана ощущением того братства народов, которое помнит любой, живший во времена СССР. Лидия до сих пор хранит в своей душе это великое братское чувство:

Хоть изменилось все вокруг,
Алтайцы и тувинцы — братья,
И на века крепки объятья
Их дружеских могучих рук.
Алтайка, бабушка моя,
Нам пела древних лет сказанье.
Мы, внуки, затаив дыханье,

Внимали ей, душой горя!..
Забылось многое с тех пор.
Порой не вспомнишь, как все было.
Но память прочно сохранила
Названья рек, названья гор.
Из детских лет, как из глубин,
Спешат, сквозь Время прорастая,
И красота Хаан-Алтая,
И пение реки Кадын.

(пер. Владимира Гордеева)

Чувство родства и жизненной сопричастности в стихах
Лидии Ирigit распространяется на многие народы:

Восхищаться вечно не устану
Гордою хакасскою землёй.
Ледяные снежные Саяны
Подружились навсегда со мной.
Предложили мне испить айрана...
Окликало эхо: «Тун Пайрам!..»
Ах, Саяны, гордые Саяны,
Я отныне не чужая вам!
... Тун Пайрам! Я славить не устану,
Воплощая в благодарный стих,
Голубые гордые Саяны
Или чашу, полную айрана-
Ту, что мы испили на двоих.

(пер. Дианы Кан)

Редкие мгновения счастья, выпавшие на долю поэтессы
Лидии Ирigit, она сумела воплотить в золото' стихов.
Вопрос о том, счастлива ли Лидия Ирigit, у меня лично не
возникает. Разве может быть несчастна женщина, пишущая
такие пронзительные, полные современной конкретики и
в то же время философски отстраненные от действи-
тельности стихи:

Перстень на руке искрится,
А глаза грустны совсем...
Продавщица, продавщица,
Взвесь мне счастья граммов семь!

То-то очередь большая!
Видно, счастье нужно всем.
Продавщица дорогая,
Как у вас тут насчет цен?

Я смотрю – в ассортименте
Жадность, зависть и разврат.,
Спрос на все «товары» эти,
Как и выбор их, богат.
Продавщица принародно
Объяснит с печалью мне;
«Нынче спрос на что угодно,
Только счастье не в цене... »

(пер. Дианы Кин)

Вот уж тут я категорически не соглашусь с поэтессой Лидией Иргит – моя любовь к ее стихам дает мне право не во всем с ней соглашаться. Разве это не счастье, что в далекой тувинской глубинке живет, не сдаваясь лихим напастям, живет, не поддаваясь житейским невзгодам, дарит читателям России свои неповторимые стихи «женщина-скала» Лидия Иргит.

«Семь граммов счастья» – это ее тоненькие на вид книжечки, которые по своему художественному содержанию «томов премногих тяжелей». А потому «семь граммов счастья» – это вовсе немало!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сергей ОЛЗЕЙ-ООЛ. Бурные воды Хемчика (отрывок из неоконченной повести).....	3
Иван ШУСТОВ. Тропы и перевалы.....	23
Маадыр-оол ХОВАЛЫГ. Самдар (отрывок из повести).....	57
<i>Перевод Игоря Принцева.</i>	
Игорь ПРИНЦЕВ. Страна закатов.....	63
ЭУ.....	69
Анна ХАДАХАНЭ. Из дальних странствий возвратясь.....	74

ПОЭЗИЯ

Владимир КАН-ООЛ. Как же тревожат.. ..	85
По ночам морозы набегают.....	85
Скала.....	86
Тепло земли.....	87
На озере.....	87
Сереет небо в сеточке дождя.....	88
Переболел тобою я давно.....	89
Людмила САНЧАЙ. Возвращение песни.....	89
Камень.....	90
Баир ДУГАРОВ. “Когда мне не хватает неба...”.....	91
Звезда кочевника.....	92
Саянские старики.....	93
Безмолвные миры... ..	93
Оленный камень.....	94
...их песен следы... ..	94
Чаша Угэдэя.....	95
Куулар ЧЕРЛИГ-ООЛ. Ликует сердце, жизни гимн поет... ..	96
Нестоек взгляд, слаба рука... ..	96
Плач ребенка — лесное эхо,... ..	97
В душе моей сияет радуга стихов... ..	97

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. БИБЛИОГРАФИЯ

Зоя САМДАН. Духовные зерна десятилетия (к 85-летию со дня рождения М.Б. Кенин-Лопсана).....	98
Стенограмма обсуждения творчества М. Кенин-Лопсана в Москве 12 марта 1986 года.	105
Наследие А.К. Калзана и проблема переосмысления истоков тувинской литературы в новой “Истории тувинской литературы”.....	108
Эдуард АНАШКИН. Семь граммов счастья поэтессы Лидии Иргит.....	116

Литературно-художественное издание “Улуг-Хем”

На тувинском языке

Редакторы выпуска: *Ч.Ч. Куулар, Г. Принцева.*
Набор и верстка: *Н.С. Суван-оол.*
Корректор: *Ш.М. Суваң.*

Редакция журнала “Улуг-Хем”. 667000, г. Кызыл,
ул. Щетинкина-Кравченко, 57.
Формат 60x84¹/₃₂. Физ. печ. 8 л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1128.

Отпечатано в ГУП РТ «Тываполиграф». 667000,
г. Кызыл, Щетинкина-Кравченко, 1.

